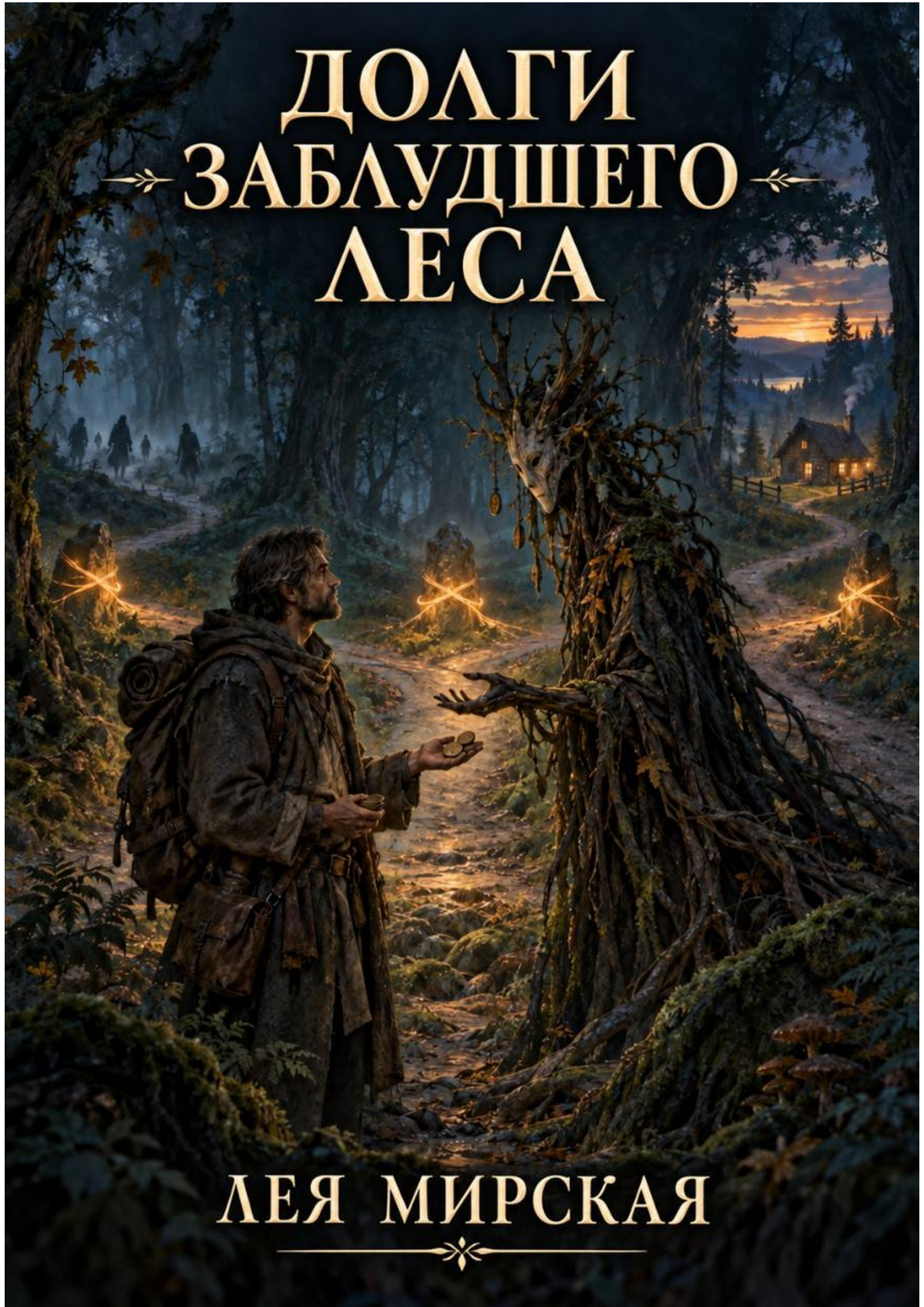

A man with a beard and a large backpack stands in a misty forest at dusk. He is looking up at a large, gnarled tree whose trunk is covered in roots and vines. A pale, mask-like face with a single eye is visible in the branches of the tree. The man holds a small object in his hand. In the background, a small cabin with a lit fire is visible through the trees, and a path leads into the distance where several figures are walking. The scene is illuminated by the warm light of the setting sun and the glowing fire in the cabin.

ДОЛГИ ЗАБЛУДШЕГО ЛЕСА

ЛЕЯ МИРСКАЯ

Лея Мирская

Долги заблудшего леса

«Автор»

2026

Мирская Л.

Долги заблудшего леса / Л. Мирская — «Автор», 2026

Криволесье возвращает заблудившихся только за умение, которому человек учился годами. Плотник забывает меру и угол, проводник перестаёт читать мох, а дух перекрёстка превращает отнятое мастерство в новые тропы. Сборщик долгов Арсен Дорн привык исполнять договоры леса до последней буквы. Но очередная бирка приводит его к цепи сделок, в которых заказчики обещали чужие руки, а его собственный отец когда-то заложил пожизненную службу сына ради дома на опушке. Теперь в лесу пропал взрослый сын Арсена, княжеские межевники закрывают единственный безопасный выход, а дух Накрест предлагает простое решение: переписать договор на другого человека. Чтобы вернуть людям ремесло и не сделать сына своей заменой, Арсену придётся взыскать долг с самого леса — и доказать, что даже добровольное обещание не даёт права владеть чужой жизнью. Фэнтези о буквальных договорах, цене удобных чудес и ответственности, которую нельзя переложить на невиновного.

© Мирская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Бирка без имени	6
Глава 2. Лес берёт умением	14
Глава 3. Дом на спорной опушке	22
Глава 4. Долг чужими руками	31
Глава 5. Тело помнит топор	39
Глава 6. Семь дорог к одному пню	47
Глава 7. Сын, который не вернулся	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Лея Мирская

Долги заблудшего леса

От автора

Мы привыкли считать умение своей несомненной собственностью. Рука помнит, как держать нож, глаз замечает кривую линию, голос находит нужную интонацию. За каждым таким движением стоят годы повторений, чужие уроки, ошибки и работа, которую никто не видел. Но что останется у человека, если он сохранит воспоминания о ремесле и однажды не сможет сделать простейшего привычного дела?

В мире этой книги лес возвращает заблудившихся только за умение. Цена кажется мягче жизни и даже памяти: человек остаётся собой, узнаёт близких и помнит прошлое. Однако вместе с мастерством он может потерять заработок, независимость и способ заботиться о других. Особенно легко назвать допустимой цену, которую отдаёт не тот, кто заключает договор.

«Долги заблудшего леса» — история не о том, как избавиться от всяких обязательств. Реальный вред требует исправления, обещание имеет вес, а спасение часто стоит труда. Но ответственность перестаёт быть честной, когда вместо виновного назначают удобного наследника, ученика или случайного человека без дороги назад.

Арсен Дорн умеет находить должников и выводить людей из Криволесья. Гораздо труднее ему признать, что служба, построенная вокруг одного незаменимого человека, сама создаёт новую ловушку. Чтобы открыть лес, ему придётся не победить его силой, а сделать дороги видимыми для всех.

Глава 1. Бирка без имени

Долговая бирка постучала в ставню за час до рассвета.

Арсен проснулся сразу, но не поднялся. Лежал, глядя в темноту, и слушал: ветер скрёб сухой веткой по углу дома, под лавкой возился старый уж, заведённый туда ещё летом, в печи с тихим звоном оседал уголь. Ничего необычного. Тогда в ставню постучали опять — три раза с одинаковым промежутком, будто снаружи стоял терпеливый человек и бил костяшкой одного пальца.

Только человек сперва постучал бы в дверь.

Арсен сел, нашарил сапоги и сунул ноги в холодные голенища. На гвозде у изголовья висел пояс сборщика: нож с коротким лезвием, моток просмоленной нити, железная мерка длиной в ладонь и пустые петли для бирок. Он застегнул пояс поверх рубахи, не зажигая света. Стучавшее снаружи не торопило. Долги вообще редко торопили. Они умели ждать дольше людей.

Ставня выходила на лесную сторону. Арсен отодвинул засов и распахнул её ровно настолько, чтобы просунуть руку. В комнату вошёл запах мокрой коры. На подоконнике лежала деревянная пластинка, тёмная от росы, с обломанной ниткой в отверстии. Никого под окном не было. До первых елей оставалось двадцать шагов по белёсой траве, и ни одна ветка не качалась.

Он не прикоснулся к находке голой рукой. Снял с пояса железную мерку, подцепил бирку и перенёс на стол. Затем разжёг лучину. Узкая полоска берёзового дерева была длиной в указательный палец, с одним скошенным краем. Такие выдавали мастерам в посадке: на лицевой стороне резали имя должника, на обороте — предмет долга. Сборщику достаточно было прочитать обе стороны вслух у перекрёстка, и дорога показывала, где искать человека.

На лицевой стороне имени не было.

Арсен поднёс лучину ближе. Дерево не казалось затёртым. Резчик намеренно оставил середину гладкой, зато внизу провёл две короткие черты, обозначающие взрослого мужчину, и добавил знак плотника — угол, прихваченный поперечиной. На обороте вместо предмета долга стояли семь косых зарубок. Семь дней просрочки.

В верхней части кто-то вырезал раскрытые ворота под ломаной крышей.

Арсен замер. Лучина догорела до пальцев, обожгла кожу и упала на стол. Он придавил огонёк меркой.

Знак был простым. Крыша, две стойки, между ними свободный проход. Так мог нарисовать дом любой ребёнок, если бы не маленькая выемка на левой стойке. Когда Арсену было девять, он промахнулся топором, обтёсывая первый в жизни брус, и выбил щепу из дверного косяка. Отец не позволил заделать выемку. Сказал, что дом обязан помнить руки, которые его строили, в том числе неловкие.

С тех пор этот знак ставили на дорожных столбах возле опушки. Дом Дорнов. Выход из Криволеся.

Арсен перевернул бирку ещё раз, будто имя могло проступить от тепла ладони. Гладкое дерево оставалось гладким.

Сборщик не имел права принимать безымянный долг. Это правило отец вбил в него раньше, чем научил читать зарубки: если нет имени, лес сам выберет должника, а лесу всё равно, кто обещал и кто заплатит. Такую бирку следовало завернуть в красную ткань, положить под камень на ближайшем перекрёстке и не трогать до прихода двух свидетелей.

Арсен достал из сундука красный лоскут. Разостлал его на столе. Бирка лежала посередине, тёмная и мокрая, хотя в комнате было сухо. Надеть кафтан, разбудить старосту и позвать кого-нибудь из посадских — таков был правильный порядок. Но в нижней зарубке блесело что-то светлое.

Он поскоблил её концом мерки. Из углубления вышла закрученная стружка, свежая, ещё пахнувшая смолой. На ней темнело пятно крови.

Значит, бирку резали этой ночью. И плотник, чьё имя оставили пустым, был жив, когда дерево коснулось его крови.

Арсен свернул лоскут, но не завязал. В сенях накинул овчинный кафтан, взял посох и вышел во двор.

Дом стоял последним перед лесом. За плетнём начиналась полоса пустой земли, которую жители Белого Брода не пахали и не косили: здесь сходились людская межа и старая дорога Криволесья. На рассвете опушка обычно казалась дальше, чем вечером. Сегодня ели подошли почти вплотную к колодцу. Нижние лапы блестели влагой, а между стволами висел серый сумрак, слишком густой для обычного тумана.

Арсен обошёл дом. Под окном нашёл две вмятины от узких сапог. Следы начинались у самой стены и там же обрывались. Ни к лесу, ни к дороге никто не уходил.

— Принёс и забыл, откуда пришёл, — произнёс он.

Лес ответил щелчком сучка.

У калитки заскрипел снеговой колокольчик, хотя снега не было уже месяц. Это Влада дёрнула шнур снаружи, предупреждая, что входит на спорную землю. Она никогда не стучала в дом после развода. Арсен успел подумать, что раннее появление бывшей жены хуже безымянной бирки, но тут же устыдился этой мысли.

Влада вошла во двор в дорожном плаще и высоких сапогах, заляпанных светлой глиной. За плечом у неё висел футляр с межевými прутьями, в руке — свёрнутая карта. Волосы она собрала под шерстяной платок, на щеке осталась чёрная черта от угля. Она не поздоровалась, только посмотрела на ели у колодца.

— На три сажени ближе, — сказала она.

— На две с половиной.

— Я мерила.

— А я здесь живу.

Это прозвучало как начало старой ссоры. Влада чуть сжала губы. Арсен распахнул калитку шире и спросил:

— Что случилось?

— Пахом Рудый не вернулся с лесной делянки. Его артель пришла в управу ещё вечером. Староста решил подождать до света, потому что Пахом знает дальнюю дорогу лучше половины твоих проводников. На рассвете нашли его топор.

Она развернула карту прямо на крышке колодца. К листу булавкой был приколот клочок бересты с грубо нарисованной развилкой.

— Здесь, — Влада прижала ногтем место к северу от Сучьего брода. — Топор лежал на пне. Лезвие чистое, рукоять цела. Следов борьбы нет. Следы Пахома ведут между елями и пропадают.

Арсен вынул красный свёрток.

— Это прилетело мне в ставню.

Слово «прилетело» Влада приняла без улыбки. Она умела не спорить с тем, что видела сама, и не соглашаться с тем, что ей только рассказывали. Развязала лоскут, не касаясь дерева, наклонилась.

— Плотник. Семь дней.

— Пахом пропал вчера.

— Значит, либо это не его долг, либо просрочку считали не с исчезновения.

Она заметила знак дома и подняла глаза.

— Ты ставил его на бирках?

— Никогда. Дом обозначают на картах и выходных столбах. Долговым знаком он не был.

— До нынешней ночи.

Влада провела межевым прутом над биркой. Тонкая ореховая ветка повернулась в её руке и указала не на лес, а на крыльцо дома. Арсен попросил повторить. Она отошла к калитке, вытерла прут мокрой травой, проверила его над колодцем. Прут честно потянулся к воде. Затем Влада вернулась к бирке. Ореховый конец опять указал на крыльцо.

— Долг привязан к земле, — сказала она.

— К дому.

— Земля была здесь раньше дома.

— Я не собираюсь начинать это до завтрака.

— А я не собираюсь делать вид, будто разницы нет. Если знак означает строение, отвечаешь ты. Если участок — решает управа. Если выход из леса — дело касается каждого, кто им пользовался.

Арсен завернул бирку. Влада говорила сухо, словно читала записи из межевой книги, но карта под её ладонью едва заметно дрожала.

— Ты пришла из-за Пахома? — спросил он.

— Из-за Мирека.

Имя сына легло между ними тяжелее железной мерки. Арсен заставил себя не отводить глаз.

— Что он сделал?

— Ничего. В этом и беда. Третью неделю от него нет письма.

— С дорожной работы он писал раз в месяц.

— Мне — каждую неделю.

Арсен кивнул, принимая удар. У них с Миреком был уговор: сын сообщал, если нуждался в помощи, отец не расспрашивал, если сообщения не было. Когда-то это казалось уважением к взрослому человеку. Теперь — удобным названием для молчания.

— Где он работал?

— На новой княжеской меже за Сучьим бродом. В той же стороне, где исчез Пахом. Вчера я спросила дорожного мастера. Мирек ушёл от артели пять дней назад. Сказал, что должен найти старый выходной столб до прихода межевиков.

— И мастер отпустил ученика одного?

— Миреку двадцать один, Арсен. Его не отпускают, он уходит.

Знакомая точность Владиного ответа рассердила его сильнее, чем обвинение. Он прижал свёрток к поясу и посмотрел на лес. Ели уже не казались ближе. Они были ближе: одна ветка протянулась над плетнём и зацепила верёвку с сушившимися травами.

— Пять дней, — сказал он. — На бирке семь зарубок.

— Я умею считать.

— Пахом пропал вчера. Мирек ушёл пять дней назад. Долгу семь. Ни один срок не совпадает.

— Поэтому ты отнесёшь бирку под камень и позовёшь свидетелей?

Арсен услышал вопрос, спрятанный под вопросом: поступит ли он по правилам, если промедление может стоить сыну умения, а то и жизни? Влада не просила нарушить порядок. Она никогда не просила того, за что потом пришлось бы отвечать другому.

— Сначала посмотрю, кто принёс её к окну.

Он прошёл в сарай и взял мешочек печной золы. Сыпал её тонкой полосой вдоль стены, пока не обозначились следы. Две вмятины, замеченные прежде, стали резче. Левый сапог был стёрт снаружи. Правый след заканчивался глубокой точкой у носка: человек словно каждый раз цеплял землю гвоздём.

Арсен видел такую походку на ярмарке, когда плотники устраивали состязание и Пахом Рудый плясал на бревне после третьей кружки. В правой подошве у него торчал гвоздь. Пахом обещал забить, но смеялся, что сначала тот должен сам попроситься в сапог.

— Он приходил сюда, — сказал Арсен.

Влада присела возле отпечатков.

— Следов всего два.

— Потому что он вышел из леса прямо у стены.

— Тогда почему не вошёл?

Арсен поднял ставню. Пахом мог просунуть бирку, стоя на земле. Мог крикнуть. Мог обойти дом и постучать в дверь. Вместо этого оставил долг и исчез снова, хотя дом считался безопасным выходом.

Арсен встал на место правого следа. До стены оставалось полшага. Он протянул руку к ставне. Пальцы легли на нижний край, но поднять её снаружи было трудно: дерево разбухло от сырости. Пахом отличался силой. Однако на краске не осталось царапин от ногтей.

— Ставня была открыта? — спросила Влада.

— Я закрыл её вечером.

— Уверен?

Арсен хотел ответить резко и вовремя остановился. Вчера он вернулся поздно, усталый после спора двух угольщиков с ручейным духом. Поужинал стоя. Проверил дверь, печь, полку с договорами. Ставню закрывал — помнил стук засова. Но память о привычных действиях ненадёжна: иногда человек помнит не вчерашний вечер, а сотню похожих вечеров.

Он осмотрел раму. В щели торчала короткая стружка. Такая же светлая, как в зарубке на бирке. Кто-то открыл ставню узким деревянным клином, просунул пластинку, затем вытянул клин и позволил створке захлопнуться.

— Пахом мог это сделать, — сказала Влада.

— Любой плотник мог. Но если Пахом сумел найти дом и открыть ставню, почему он не сумел остаться на опушке?

Из леса донёсся удар топора.

Один. Чистый, звонкий. Через несколько мгновений второй — глухой, будто лезвие вошло в трухлявый ствол. Третий удар пришёл справа, хотя первые два звучали слева.

Влада быстро свернула карту.

— Это он?

— Лес умеет повторять звук.

— Я спросила не об этом.

Арсен прислушался. Хороший плотник бил не силой, а в нужное место. По звуку можно было узнать породу, толщину дерева, усталость руки. Первый удар принадлежал Пахому. Арсен слышал его на стройках много лет. Второй был похож, но чуть запоздал. Третий лишь подражал двум первым.

— Первый — его, — сказал он. — Или взят из его памяти.

— Ты идёшь.

— После свидетелей.

— Пока староста умоется, созовёт людей и велит писарю переписать правила, первый удар станет десятым повтором.

— Безымянную бирку нельзя принимать одному.

— Не принимай. Ищи человека.

Лес ударил топором снова. Теперь звук пришёл из-за дома, совсем близко. На этот раз Арсен различил после удара короткое шипение. Пахом ругался так, когда промахивался.

Влада сняла футляр с межевými прутьями.

— Я буду свидетелем.

— Ты заинтересованная сторона. Мирек пропал в той же части леса.

— А ты его отец. Значит, по твоей мерке нам обоим нужно сидеть дома и ждать равнодушных людей.

Она была права лишь наполовину, и от этого спор становился опаснее. Свидетель долга должен не просто видеть, как сборщик берёт бирку. Он подтверждал, что имя и цена названы верно. На пластинке не было имени, а цену ещё предстояло понять. Влада могла засвидетельствовать только нарушение.

Арсен пошёл в дом. Поставил на стол глиняную миску, положил в неё красный свёрток и залил водой из кувшина. Обычная вода смывала кровь, но не долг. Если зарубки были настоящими, дерево потемнеет. Если поддельными — разбухнет и треснет.

Бирка опустилась на дно. Семь косых черт налились чёрным. Знак дома остался светлым. Влада стояла у порога.

— Что это значит?

— Просрочка настоящая. Дом добавили позже либо вырезали чужой рукой.

— Имя тоже могли срезать?

— След остался бы.

Арсен перевернул пластинку железной меркой. На гладкой стороне выступили крохотные пузырьки. Они сложились в неровную цепочку от плотницкого угла к отверстию для нити. Дерево помнило нажим, даже если резец не оставил линии.

Он вынул бирку, промокнул тканью и провёл подушечкой большого пальца поперёк волокон. Там, где должно быть имя, ощущались неглубокие вмятины. Не буквы. Пять одинаковых прямоугольников, словно резчик разметил места, но не решил, что вписать.

— Пять человек? — предположила Влада.

— Или пять имён для одного долга.

— Артель Пахома состоит из пяти мастеров.

Арсен посмотрел на неё.

— Вчера ты сказала, что пришла вся артель.

— Четверо. Пятый — Пахом.

— Кто наниматель?

— Управский приказчик Остром Ляд. Они ставили мостки для новой межевой дороги.

Имя было знакомым. Остром любил договоры, в которых слово «работа» появлялось чаще слова «плата». Два года назад он пытался взыскать с каменщика дождливые дни, будто мастер отвечал за небо. Арсен отказал, и приказчик с тех пор обращался к нему только при свидетелях.

— Семь дней назад мостки должны были сдать, — сказала Влада, читая мысль на его лице. — Срок перенесли из-за топи.

— А Остром мог назвать просрочкой первый срок.

— Он мог назвать долгом работу всей артели.

Арсен вынул из шкафа книгу взысканий и раскрыл на чистой странице. Записывать безымянную бирку в обычный ряд запрещалось. Он перевернул книгу и начал с последнего листа, где отец когда-то отмечал спорные случаи.

«Рассвет после первого осеннего дождя. Доставлена бирка плотника без имени. Пять незаполненных мест. Семь дней просрочки. Добавлен знак дома-выхода».

Он оставил ниже две строки и передал перо Владе.

Она прочитала запись.

— Ты не написал, что принимаешь долг.

— Потому что не принимаю.

— И что собираешься делать?

— Проверить, может ли Пахом выйти к дому. Найти его след. Вернуться за свидетелями до того, как прочту бирку у перекрёстка.

— Это лазейка.

— Это работа.

Влада подписалась: «Видела бирку и следы у дома. Влада Реч, межевица». Потом добавила дату по управскому счёту. Их записи отличались даже наклоном: буквы Арсена стояли широко, будто оставляли друг другу путь, Владины теснились ровным частоколом.

Он собрал дорожную сумку: соль, хлеб, фляга, запасная нить, четыре пустые бирки, мел, сушёная рябина. Влада тем временем вынула из футляра два межевых прута и короткий молоток.

— Ты остаёшься, — сказал Арсен.

— Нет.

— Это не межа.

— Знак ведёт к спорной земле, а пропавший работал на новой границе. Это именно межа.

— Криволесью всё равно, что написано в твоей управской книге.

— Поэтому оно каждую весну спорит за одни и те же три сажени? У леса прекрасная память на границы, когда ему выгодно.

Арсен затянул сумку. Раньше они отправлялись в дорогу без таких препирательств. Влада знала, где идти следом, где рядом, где остановиться и дать ему проверить развилку. Потом Мирек вырос, отец Арсена умер, а служба начала забирать всё больше ночей. Однажды Влада сказала, что не желает каждый вечер гадать, вернётся муж или долг в его одежде. Арсен ответил, что кто-то должен вести людей из леса. Оба сказали правду и всё равно разошлись.

— До первого перекрёстка, — уступил он. — Если дорога закроется, ты возвращаешься.

— Если дорога закроется за нами, я решаю сама.

Он не стал торговаться дальше.

Перед выходом Арсен снял со стены связку старых бирок. Каждая принадлежала закрытому долгу: за мешок муки, за сломанную изгородь, за неотданную лодку, за имя, которым человек прикрылся на чужой дороге. Отец хранил их как напоминание, что взыскание должно иметь конец. Арсен выбрал маленькую берёзовую пластинку без зарубок и положил рядом с безымянной.

— Зачем пустая? — спросила Влада.

— Чтобы лес видел: я пришёл не только брать.

— Он понимает такие жесты?

— Нет. Но Накрест понимает.

Имя духа заставило снеговой колокольчик у калитки звякнуть один раз.

Они вышли за плетень. Арсен остановился у первого столба. На нём был вырезан знак дома — тот самый, только выемку на левой стойке кто-то замазал смолой. Он скосовил ногтем. Под ней обнаружилась свежая древесина.

— Метку исправили, — сказала Влада.

— Сделали дом без изъяна.

— Может, заменили знак на общий?

— Общего дома не бывает.

Он подумал о пяти пустых местах на бирке. Кто-то старательно убирал из долга всё личное: имя плотника, выбоину на косяке, руку, которая научилась держать топор. Оставались артель, работа, строение, выход. Вещи, которыми удобно распорядиться сообща, если забыть, из чьих жизней они сложены.

Арсен надрезал палец и вжал каплю крови в выемку столба. Смола зашипела и стекла на траву. Между елями обозначилась тропа, узкая, покрытая бурыми иглами. В глубине снова ударил топор.

— Пахом Рудый! — крикнул Арсен.

Удар оборвался.

Некоторое время лес молчал. Потом из-за деревьев донёсся мужской голос:

— Я здесь.

Говорил Пахом. Голос шёл с тропы, но слова звучали неправильно — без облегчения, без вопроса, без ругани. Так отвечает человек, который много раз повторил одну фразу и больше не ждёт, что его услышат.

Арсен шагнул за столб.

Тропа тут же разделилась на пять одинаковых дорожек. На каждой стоял Пахом Рудый в кожаном фартуке, с топором на плече. Первый махнул рукой. Второй отвернулся. Третий рубил невидимое бревно. Четвёртый держал ладони перед лицом и рассматривал их с ужасом. Пятый смотрел прямо на Арсена.

— Который из вас принёс бирку? — спросил Арсен.

Все пятеро одновременно ответили:

— Дом должен был узнать меня.

Влада коснулась его локтя. Не удерживала — показывала на землю.

У ног пятого Пахома лежала стружка. На ней темнела кровь. От стружки тянулась едва заметная нить через лес, к дому за их спинами. Но у самого столба нить была перерезана.

Арсен достал безымянную бирку. Пять фигур замерли. Плотницкие углы на их фартуках блеснули, будто по ним провели мокрым резцом.

— Не читай, — тихо сказала Влада.

Он и не собирался. Чтобы принять долг, требовалось назвать должника. Пять пустых мест не давали такого права.

Тогда пятый Пахом снял с плеча топор, положил его на землю и сказал уже другим голосом — сухим, шелестящим, как две ветки одна о другую:

— Имя мешает взысканию. Дом знает руки. Лес берёт умение.

Арсен узнал говорившего.

Накрест не показывался целиком. Он пользовался чужой позой, отражением в воде, скрипом дорожного столба. Сейчас дух смотрел глазами плотника, но стоял слишком неподвижно для живого человека.

— Долг без имени не существует, — сказал Арсен.

— Работа существует.

— Работу делает человек.

— Пять обещали как один.

— Кто обещал?

Все Пахомы улыбнулись. Только один из них — настоящий или лучше других собранный из лесной памяти — заплакал.

— Спроси у дома, — ответил Накрест.

Пять дорожек сомкнулись. Фигуры исчезли, будто их втянуло между стволами. На иглах остался топор. Арсен поднял его и сразу понял, что перед ним не тот инструмент, который нашли люди Влады: лезвие было тупым, рукоять — новой, без мозолистых выемок Пахомовой руки. Копия, сделанная по слову «топор», а не по вещи.

Позади хлопнула калитка.

Арсен обернулся. Дом стоял на прежнем месте, однако дверь теперь была обращена к лесу. Крыльцо заслоняло окно, в которое ночью постучала бирка. На пороге виднелись пять пар мокрых следов.

Влада выругалась шёпотом.

— Мы ещё не вошли, — сказала она.

— Вошли, когда я открыл дорогу кровью.

— Ты сказал: до первого перекрёстка.

— А лес поставил перекрёсток у нашего порога.

Он закрепил безымянную бирку на отдельной петле, чтобы она не касалась закрытых долгов. Пластинка была холодной, но через кафтан Арсен чувствовал слабые толчки, похожие на удары маленького топора.

За дверью его дома кто-то медленно строгал дерево.

Арсен поднялся на крыльцо. Влада встала справа, держа межевой прут как нож. Он коснулся дверной ручки и почувствовал на металле липкую смолу.

Изнутри донёсся голос Пахома:

— Арсен, я помню, как строил твой порог. Не помню только как.

Арсен открыл дверь.

Глава 2. Лес берёт умением

За дверью не было комнаты.

Там начиналась мастерская Пахома: длинный навес, козлы для брёвен, верстак под окном и стена, увешанная пилами. Только всё это Арсен видел сквозь стены собственного дома. Печь просвечивала внутри штабеля досок, сундук стоял поперёк верстака, а лестница на чердак уходила в еловые ветви. Лес не перестроил дом. Он наложил одно место на другое, не заботясь, удобно ли человеку в получившейся путанице.

Пахом сидел на полу возле порога. Перед ним лежала доска, зажатая между коленями, и длинный рубанок. Плотник снова и снова вёл инструмент от себя. Стружка выходила тонкой у начала, толстой посередине и обрывалась рваными клочьями. В правом углу уже выросла светлая куча.

— Отложи рубанок, — сказал Арсен.

Пахом поднял голову. Рыжая борода слиплась от пота, хотя в мастерской было холодно. Он узнал Арсена, затем Владу, но облегчения на лице не появилось.

— Порог кривой, — сообщил он. — Я помню, что кривой. Отец твой велел оставить, пока мальчишка сам не исправит.

— Это был косяк. И отец велел не исправлять.

— Значит, я и это помню неверно.

Рубанок опять двинулся по доске.

Арсен наступил на дальний конец и остановил его.

— Покажи ладони.

— Зачем?

— Покажи.

Пахом выпустил рукоять. На правой ладони лопнули три свежие мозоли, пальцы были в мелких занозах. Для мастера, который работал деревом с двенадцати лет, такие раны выглядели постыдно и страшно. Опытная рука чуть меняет хват ещё до боли. Пахом держал рубанок так, будто впервые увидел его утром.

Влада осталась снаружи, одной ногой на крыльце. Пространство за дверью не принимало её вес: носок сапога проваливался в мох, хотя Арсен видел под ним половицы.

— Спроси, может ли он выйти сам, — сказала она.

— Могу, — ответил Пахом прежде Арсена. — Уже выходил.

— Тогда почему вернулся?

Плотник посмотрел на доску.

— Дом меня не удержал.

Арсен присел рядом, не сходя с порога. В лесном отражении расстояния лгали. Человек мог сделать шаг к знакомой печи и оказаться за три версты среди болот.

— Расскажи с начала.

— Какого?

— Вчерашнего утра.

Пахом закрыл глаза.

— Мы пришли к мосткам. Я сказал Нежате выбрать сосну потоньше, потому что толстая... — Он нахмурился. — Потому что толстая не годилась.

— Почему?

— Не знаю. Знал тогда. Потом Остром привёз договор. Сказал: княжеские межевики будут через день, ждать больше нельзя. Мы должны закончить общую работу. Он так и сказал — общую. Я спросил про доплату за топь. Он ответил, что срок уже прошёл семь дней и лес возьмёт не деньги.

— Вы подписали?

— Остром показал старую зарубку на заказе. Наш артельный знак. Я сам вырезал весной.

— Что было обещано весной?

— Пять мостков, два настила и сухой проход для телеги. За тридцать серебряных. Только между тогда вели восточнее. Потом её сдвинули, и топь стала шире. Мы запросили ещё десять.

— Вы обещали сдать к сроку при новой меже?

— Нет.

Пахом сказал это уверенно. Руки его при этом ощупывали рубанок, искали правильный хват и не находили.

— Остром вызвал Накреста, — продолжил он. — Не целиком. Тень легла крестом от двух сосен. Приказчик положил заказ в середину и спросил, считается ли обещание пяти мастеров одним. Тень ответила: считается. Нежата велел мне молчать. А я разозлился. Сказал, пусть лес попробует забрать нашу работу — всё равно она уже в руках.

— Точные слова.

— «Пусть берёт умение, если мы ему должны».

Арсен медленно выдохнул. В долговых делах вызов, произнесённый у перекрёстной тени, становился предложением цены. Накрест не убеждал и не обманывал. Он выбирал самое буквальное толкование из тех, что давали ему люди.

— Остальные повторили?

— Нежата плюнул. Силан сказал, что согласен, лишь бы приказчик отстал. Двое молодых промолчали.

— А Остром?

— Написал на обороте заказа: «Артель отвечает общим умением». Я выхватил бумагу. Тень упала мне на руки. Потом топор оказался на пне, а я пошёл между деревьями. Думал, догоню приказчика.

— И сколько ты шёл?

— До ночи. Или семь дней. Здесь нельзя понять.

Арсен достал хлеб и протянул ему. Пахом отломил кусок, долго пытался разделить его ровно и наконец разорвал почти пополам. Большую часть машинально отдал Владе. Привычка делиться сохранилась. Умение оценить меру — нет.

— Как ты добрался до окна? — спросила она.

— Увидел знак дома на дереве. Сделал бирку. Подумал: Арсен узнает мою руку.

— Почему не вырезал имя?

Пахом уставился на неё.

— Вырезал.

Арсен снял бирку с отдельной петли, но не подал ему.

— Здесь пять пустых мест.

— Я написал «Пахом Рудый». Крупно. Чтобы даже слепой прочитал.

— Чем?

Плотник показал резец на верстаке. Потом потянулся за ним и задел локтем доску. Она упала. Пахом поймал её у самого пола, привычно и ловко. На мгновение лицо его прояснилось. Он поставил доску на край, взял резец и попытался повторить своё имя на обрезке.

Первая черта ушла вкось. Вторая оказалась слишком глубокой. Пахом перевернул резец, осмотрел рукоять, снова взялся за работу. Рука помнила давление, но глаз не понимал расстояния. Буквы налезали одна на другую. Получилось тёмное пятно.

— Я умею писать, — произнёс он.

— Умеешь, — сказал Арсен. — Только сейчас лес держит ту часть навыка, которой ты мерил дерево.

— Письмо не плотницкое дело.

— Для тебя стало плотницким. Ты размечал буквы так же, как шипы и пазы.

Пахом швырнул резец. Инструмент ударился о прозрачную печь и прошёл сквозь неё, звякнув где-то далеко между деревьями.

— Забери долг, — потребовал плотник. — Ты для этого служишь.

— Сначала надо знать, чей он.

— Мой! Раз я здесь — мой.

— На бирке пять мест.

— Тогда возьми со всех. Верни мне руки.

Арсен слышал такие просьбы. Человек, лишённый привычной опоры, готов был назвать виновным первого, чьё имя подходило под запись. Долг казался вещью: переложил с одного плеча на другое — и равновесие восстановится. Но лес забирал не вещь. Он забирал различие между уверенным движением и случайной удачей.

— Я не возьму с молчавших то, чего они не обещали.

— Они стояли рядом.

— Стоять рядом — не обещание.

Пахом тяжело поднялся. Он был выше Арсена и шире в плечах. Прежде одного его движения хватило бы, чтобы оттеснить любого от двери. Теперь плотник неверно рассчитал шаг, зацепился за доску и едва не упал. Арсен подхватил его под локоть.

— Не жалею меня.

— Я удерживаю тебя от разбитого носа.

— Лучше нос, чем руки.

— Руки у тебя на месте.

Пахом выдернул локоть.

— Тогда дай топор.

Арсен вспомнил копию, оставленную на тропе. Настоящий топор Пахома лежал у старосты. Здесь были рубанок, пила, резец, молоток — вещи, собранные лесом из памяти. Давать такому человеку острый инструмент означало проверять не навык, а везение.

— Сначала выйдем.

— Дом не выпускает.

— Дом здесь ни при чём. Ты дошёл до окна и отдал бирку. Что случилось потом?

Пахом потёр лоб тыльной стороной ладони.

— Я хотел открыть ставню. Не понял, пролезет ли рука. Сделал клин. Сунул бирку. Услышал, как ты встал. Думал подождать у стены. Потом увидел косяк.

— Выбоину?

— Нет. Кривизну. Она была неправильной. Я знал, что должен исправить. Взял рубанок, а дом открылся сюда.

Лес воспользовался не долгом, а стыдом мастера. Пахом мог уйти, пока не попытался доказать самому себе, что ещё способен исправить старую работу.

Влада подняла маленький обрезок, лежавший возле порога.

— Какая сторона длиннее? — спросила она.

Пахом посмотрел.

— Правая.

Арсен видел, что левая была почти вдвое длиннее.

— А теперь закрой один глаз.

— Не издевайся.

— Закрой.

Пахом подчинился.

— Одинаковые.

— Лес забрал не руки и не зрение, — сказала Влада. — Он забрал доверие между ними. Ты видишь края, но не складываешь расстояние.

Арсен взглянул на неё. Межевица не могла колдовать над умением, зато всю жизнь училась отличать ошибку глаза от ошибки мерки.

— Можно вывести его по числам? — спросил он.

— Если пространство слушается чисел.

— Это мастерская из его памяти. Значит, должна.

Влада вынула железную цепь с одинаковыми звеньями. Один конец обмотала вокруг столба крыльца, второй бросила Пахому.

— Десять звеньев до порога, — сказала она. — Не смотри, далеко ли он. Считай руками.

Пахом поймал цепь. Первое звено сжал слишком сильно, затем перебрал остальные. На пятом остановился.

— Дальше стена.

Перед ним ничего не было. Но его ладонь упиралась в прозрачную преграду: кожа побелела, цепь натянулась.

— Там печь нашего дома, — сказал Арсен. — В настоящей комнате она стоит между тобой и выходом.

— Я её не вижу.

— Поэтому верь не глазам. Два шага вправо.

Пахом сделал слишком широкий шаг и ударился плечом о край печи. Влада велела ему вернуться на полшага. Он подчинился, перестав спорить.

Так они провели его через наложенные помещения. Пахом считал звенья, Влада называла расстояния, Арсен вспоминал каждый предмет настоящего дома. На восьмом звене плотник должен был обойти сундук. В лесной мастерской на этом месте стояли козлы. Пахом видел их и пытался переступить, но Арсен удержал его.

— Обходи то, чего не видишь.

— И наступай на то, что вижу?

— Да.

Пахом горько рассмеялся.

— Отличное ремесло.

Он обошёл сундук. Нога прошла сквозь козлы, и те рассыпались стаей чёрных птиц. Под потолком — или под ветвями — что-то зашуршало. Мастерская не любила, когда её устройству переставали верить.

На двенадцатом звене появился Накрест.

Тень от лестницы вытянулась поперёк пола, тень от ели легла поверх. Вместе они образовали крест. Пахом остановился так резко, что цепь порезала ладонь.

— Взыскатель уводит залог, — произнёс дух голосом скрипучей ступени.

— Человек не залог, — ответил Арсен.

— Умение заложено. Человек несёт его.

— Ты уже взял умение.

— Не полностью.

Пахом побледнел.

— Что значит не полностью?

Тени сдвинулись. На стене возникли пять рук: одна держала рубанок, другая пилу, третья молоток, четвёртая угольник, пятая ничего. Первые четыре работали слаженно. Пятая пыталась повторять и всегда опаздывала.

— Обещано общее, — сказал Накрест. — Общее нельзя взять у одного.

— Тогда почему Пахом здесь?

— Он назвал цену.

- Он назвал своё умение.
- Сказал «нашу работу».
- Остром сказал.
- Пахом не отделил.

Арсен почувствовал, как бирка на поясе потеплела. Дух предлагал спорить о словах, пока лес завершал взыскание. Где-то за пределами отражённой мастерской четверо плотников могли уже терять чувство меры. Если Пахом останется, он станет первым пустым местом на бирке, а следом заполнятся остальные.

- Я уведу его как заблудившегося, — сказал Арсен. — Долг не принимаю.
- Лес возвращает за умение.
- Какое?

Тень повернулась к Владе.

- Межевица знает границу.

Она не дрогнула.

- Моё умение тебе не обещали.
- Проводник открыл дорогу кровью.
- Моя кровь, — сказал Арсен. — Значит, цену называю я.

Тень лестницы стала короче. Накрест слушал.

Арсен мог предложить мелкий навык: завязывать определённый узел, точить нож, насвистывать дорожный зов. Лес принимал только то, что действительно помогало заблудившемуся вернуться. За Пахома требовалось умение, связанное с дорогой, мерой или домом. Таков был старый порядок: плата должна заменять лесу то усилие, которое он тратил, отпуская человека.

- Я отдам умение находить этот порог изнутри, — произнёс Арсен.

Влада резко повернулась к нему.

- Нет.

Накрест молчал.

Арсен понял ошибку. Если он лишится знания своего выхода, дом перестанет спасать его самого. Сборщик, неспособный вернуться, проживёт недолго.

- Он сказал цену, — заскрипела ступень.

— Но не договорил условие, — возразила Влада. — Ты соблюдаешь слова до буквы. Так дождись точки.

Тень застыла.

Арсен посмотрел на неё с благодарностью. Влада не спасла его уловкой; она напонила о правиле, которое Накрест не мог нарушить.

— Я отдам умение находить этот порог изнутри на один проход, — закончил Арсен. — Пока Пахом не ступит обеими ногами за столб. После прохода навык возвращается мне.

- Временное умение — малая цена.

— И человек возвращается не целиком. Ты удерживаешь его мастерство до разбора долга. Равная плата за неполный выход.

Тени пяти рук прекратили работу. Накрест считал равновесие не числами, а потерями. Пахом выходил живым и мог двигаться, но не мог кормиться ремеслом. Лес оставлял себе достаточно.

- Принято на один проход, — сказал дух.

Арсен почувствовал холод в затылке.

Дом исчез из его памяти.

Он знал, что родился здесь. Помнил, как мать сушила яблоки у печи, как отец ставил новый столб, как Мирек разбил колено на ступени. Но где находилась дверь по отношению к лесу, Арсен больше не понимал. Перед ним были доски, ветви, прозрачная печь, цепь в руках Пахома — и ни одна вещь не подсказывала направление наружу.

— Веди, — сказал он Владе.

Теперь она держала цепь. Арсен шёл первым, одной рукой касаясь звеньев, другой придерживая Пахома. Накрест убрал преграду, но лес тут же предложил десяток похожих выходов. Двери появлялись между елями, в стене мастерской, под верстаком. За одной светлел двор. За другой стоял Мирек спиной к ним.

Арсен шагнул было туда, но Влада дёрнула цепь.

— Это не он.

— Откуда знаешь?

— Мирек левша. У этого нож справа.

Фигура обернулась. Вместо лица у неё был гладкий срез дерева с пятью пустыми прямоугольниками. Арсен заставил себя отвернуться.

— Девять звеньев, — сказала Влада. — Потом низкая ступень.

Пахом считал вслух. На седьмом запнулся, потому что увидел верстак с незаконченным оконным переплётом.

— Я делал его для Мирека, — прошептал он.

— Не делал, — сказала Влада. — У Мирека в доме каменные окна.

— Хотел сделать.

— Тогда закончишь после выхода.

Пахом двинулся дальше. Лес подбрасывал ему кривые углы, плохо пригнанные доски, лопнувшие ручки — всё, что мастер не мог оставить неисправленным. Он зажмурился. Шёл, перебирая звенья и повторяя числа.

Арсен тоже закрыл глаза. Без умения находить порог зрение только мешало. Он слышал дыхание Пахома, короткие команды Влады и тихий стук бирки о железную мерку. На десятом звене под подошвой возникла ступень. На одиннадцатом в лицо ударил холодный воздух.

— Столб впереди, — сказала Влада.

Арсен открыл глаза. Выходной столб стоял в трёх шагах, но вокруг него кружили пять одинаковых троп. Пахом рванулся к ближайшей.

— Обе ноги за столб, — напомнил Арсен. — Не просто коснуться.

Они пошли вместе. Первый шаг дался легко. На втором Пахом закричал. От его пальцев к мастерской протянулись светлые нити — по одной от каждого сустава. Лес тянул не тело, а движения: хват молотка, нажим рубанка, поворот пилы. Пахом согнулся, будто нити держали его за жилы.

Арсен обхватил его за пояс. Влада намотала цепь на столб и упёрлась каблуками в землю.

— Шагай! — крикнул Арсен.

— Не чувствую расстояния!

— Тогда шагай на мой голос.

Он поставил свою стопу перед сапогом Пахома. Плотник двинул ногу, ударил носком в пятку Арсена и перенёс вес. Одна светлая нить лопнула. Потом другая.

Лес загудел. В глубине падали деревья, хотя ни один ствол не качнулся. Накрест не мешал им: условие было принято. Но и помогать дух не собирался.

— Ещё полшага, — сказала Влада.

Пахом не понял, что такое половина. Арсен подставил вторую ногу. Тот шагнул по ней, как по мерке. Обе подошвы оказались за столбом.

Мастерская исчезла.

Пахом упал на мокрую траву. Цепь ослабла. Арсен увидел дом и сразу понял, где дверь, где окно, сколько шагов до крыльца. Возвращённое умение накрыло его головокружением, словно он резко поднялся со дна реки.

Влада села прямо на землю, всё ещё сжимая цепь. На ладонях остались красные полосы.

— Один проход, — сказала она. — Никогда больше не называй цену раньше условия.

— Никогда больше не ставь точку вместо меня.

— Я её не ставила. Я дала тебе время.

Пахом перевернулся на спину. Его руки лежали на груди, пальцы едва заметно повторяли движение рубанка.

— Вернулось? — спросил он.

Арсен протянул ему две веточки: одну с палец, другую почти в ладонь.

— Какая длиннее?

Пахом смотрел долго.

— Левая.

Он указал на короткую.

— Нет, — сказал Арсен.

Плотник закрыл лицо ладонями.

— Тогда зачем вы меня вытащили?

Вопрос был честным. За столбом лежал живой мужчина, но его прежняя жизнь осталась в лесу. Дома его ждали заказы, ученики, жена, двое внуков и артель, которую он привык вести. Каждый теперь спросит, когда мастер снова возьмёт топор. Пахом не сможет назвать срок.

Арсен сел рядом.

— Чтобы у тебя была возможность вернуть своё умение, не отняв чужое.

— Ты обещаешь?

— Нет. Я говорю, зачем вытащил.

Пахом убрал руки от лица. Такая осторожность разозлила бы его вчера. Теперь он кивнул.

Влада встала и подошла к столбу. Домовой знак снова был с выбоиной, но ниже появилась новая зарубка: пять прямоугольников, соединённых одной линией. Она обвела их углём на бересте.

— Лес записал артель как одного должника, — сказала она.

— А взял с того, кто назвал цену, — ответил Арсен. — Пока не полностью.

— Значит, остальные ещё в опасности.

Пахом поднялся на колени.

— Нежата сейчас в посадке.

— И ещё трое, — сказала Влада. — Если навык уходит частями, мы должны проверить их до следующей ночи.

Арсен снял безымянную бирку. Теперь первый из пяти прямоугольников потемнел. Внутри проступила рыжая точка, похожая на древесный сучок.

Имени по-прежнему не было.

На обороте семь зарубок начали меняться. Одна за другой они вытянулись в тонкую линию, которая свернула под знаком дома и пошла к краю пластинки. Арсен приложил бирку к выходному столбу. Линия продолжилась на древесине, спустилась к земле и указала не в сторону посады, где находилась артель.

Она вела на север, к новой княжеской меже.

Туда, где исчез Мирек.

— Пойдём за остальными, — сказал Пахом.

Он попытался подобрать оставленную цепь и дважды промахнулся рукой. Влада подняла её сама.

— Ты пойдёшь домой.

— Моя артель.

— Именно поэтому. Пока ты рядом, лес может считать всякое их согласие твоим.

— Они без меня доски ровно не выберут.

Пахом осёкся. Губы его задрожали, но он не отвернулся.

— Уже выберут, — продолжил он тише. — Лучше меня.

Арсен помог ему встать.

— Сегодня твоя работа — рассказать при свидетелях каждое слово Острома. Не плотницкая. Значит, лес её не забрал.

Они пошли к дому. Пахом шагал медленно, проверяя землю носком сапога. Перед крыльцом остановился и долго смотрел на косяк с детской выбоиной.

— Я знаю, что здесь неправильно, — сказал он.

— Здесь всё правильно, — ответил Арсен.

— Для тебя. А для дерева?

— Дерево пережило сорок лет.

Пахом осторожно провёл пальцами по выемке. Рука сама повторила движение, каким мастер проверяет волокна. На одно короткое мгновение он улыбнулся.

— Сосна, — сказал он.

— Да.

— Сухая рубка. Зимняя.

— Да.

Пахом закрыл глаза, удерживая это знание. Он не мог определить длину доски, но тело узнало дерево. Лес забрал не всё.

Арсен посмотрел на свои руки. Цена умения оказалась страшнее, чем он привык считать, и в то же время менее окончательной. Между полной потерей и прежним мастерством оставались обрывки движений, запахи, привычки, слова других людей. Возможно, по ним можно было проложить дорогу обратно.

Из-за опушки донёсся далёкий стук. Не топор — молоток по межевому столбу.

Влада развернулась на звук.

— На северной меже сегодня никто не работает, — сказала она.

Стук повторился пять раз.

Безымянная бирка на поясе Арсена ответила пятью толчками.

Глава 3. Дом на спорной опушке

Пятый удар ещё жил в бирке, когда со стороны дороги донёлся скрип колёс.

Влада первой вышла за калитку. Арсен повёл Пахома следом, придерживая под локоть только там, где тропа ныряла между корней. Плотник всякий раз сердито отнимал руку, а через несколько шагов всё-таки протягивал её снова. До посада было меньше версты, но теперь это расстояние складывалось из ям, поворотов и мостков, ширину которых Пахом не мог оценить.

Телега показалась из-за орешника. На передке сидел княжеский гонец в сером дорожном кафтане, рядом с ним — писец с кожаным тубусом на коленях. За телегой шли четверо работников с ломami и свежими межевymi столбami. Концы столбов были вымазаны красной охрой. Такие не ставили для временной разметки.

— Поздно приехали, — сказала Влада.

Гонец натянул вожжи.

— Для чего поздно?

— Для честного промера.

Он узнал межевицу, спрыгнул на землю и поклонился ровно настолько, насколько требовал её старый чин. Потом увидел Арсена с Пахомом и поправил перевязь меча.

— Мне велено вручить приказ владельцу дома Дорнов при двух свидетелях. Свидетели есть.

— Этот человек едва вышел из леса, — сказал Арсен.

— Значит, далеко не уйдёт.

Пахом шумно втянул воздух, но Арсен сжал его плечо. Ссориться с гонцом было всё равно что бить по печати на закрытом письме: вред письму малый, рукам больно.

Писец достал свиток. Печать на шнуре была настоящей — княжеская ладья с тремя вёслами. Рядом висела меньшая, принадлежавшая приказу дорог. Влада потребовала дать ей осмотреть воск, шнур и край пергамента. Гонец усмехнулся, однако свиток подал.

Она не торопилась. Проверила отпечатки ногтем, посчитала отверстия от прошивки, понюхала охру на столбах. Потом вернула приказ.

— Печати не поддельные, — сказала она Арсену. — Это хуже.

Писец развернул пергамент и прочитал, что после весеннего разлива северная дорога признана главной, прежняя опушка отходит в лесной удел, а граница княжеского попечения переносится на двести сорок саженей к посадку. Все знаки безопасного выхода, оставшиеся за новой межей, с завтрашнего рассвета не считаются дорожными. Владельцам построек дозволялось разобрать их до первого снега или оставить без права требовать защиты, подвоза и возмещения.

Арсен слушал без движения. Дом стоял там же, где стоял при его деде. Печь хранила вчерашнее тепло. На подоконнике лежала стружка Пахома. Но несколько строк уже превратили всё это в постройку внутри лесного удела.

— Кто просил переноса? — спросил он.

Писец опустил свиток.

— Приказ дорог по докладу подрядчика Острома Ляда. Старая линия будто бы утратила сухой проход.

— Не утратила, — сказала Влада. — Её перестали чинить.

— В приказе сказано иначе.

— В приказе сказано, что доложил подрядчик. Это не одно и то же.

Гонец протянул Арсену перо.

— Отметь получение.

Арсен взял перо, но не коснулся пергамента.

- Где составлен промер?
- При старой караулке.
- Кто его свидетельствовал?
- Межевик Стоган и двое посадских.

Влада смотрела не на гонца, а на работников. Один из них отвёл глаза. На его ломе блестяла свежая земля того же серого цвета, что лежала у северных топей, хотя телега пришла с южной дороги.

- Они уже ставили столбы, — сказала она.
- Начали с северного края, — признал гонец. — Чтобы к ночи закончить здесь.
- Кто велел бить пять раз?

Работник с грязным ломом перекрестился.

- Все межевые столбы забивают пятью ударами.

— Тремя, — ответила Влада. — Первый закрепляет, второй ровняет, третий свидетельствует. Пятью бьют артельный знак.

Гонец обернулся к работнику.

— Мы не били, госпожа межевица. Там уже был столб. Кривой, без печати. Мы его выдернули, а под ним молоток стучал. Сам. Пять раз.

Пахом шагнул к нему.

- Какой столб?

— С пятью пустыми зарубками. Такой же знак на рукояти лома проступил, да потом исчез.

Плотник вытянул ладони, словно мог разглядеть на них утраченный навык.

- Там мои люди.

— Сначала твои люди будут найдены здесь, — сказал Арсен. — Если их нет, тогда пойдём к меже.

Гонец снова ткнул пером в его сторону.

- Получение.

Арсен поставил не подпись, а знак спора: короткую черту поперёк свободного края. Рядом написал время, имена Влады и Пахома и добавил, что приказ вручен после начала переноса столбов. Писец поморщился, но выскребать слова при свидетелях не решился.

- До рассвета дом ещё считается выходом? — спросил Арсен.

- По букве — да.

— Тогда ни один ваш человек не пересекает его знак без моего разрешения. Кто сдвинет столб, может оказаться внутри Криволесья раньше срока.

Гонец хотел возразить, но посмотрел на деревья. Листья на орешнике висели неподвижно, хотя по дороге тянул ветер. Он велел работникам ждать у телеги.

Пахома доставили в посад не к старосте, а в кузницу Луки Седого. Кузнец видел, как весной артель Пахома принимала заказ, и умел держать язык за зубами до тех пор, пока его не просили говорить при всех. Кроме него Арсен позвал вдову Бажену, торговавшую железом, и двух подмастерьев, грузивших тогда доски. Свидетельство о договоре следовало собирать не из громких уверений, а из мелочей, которые разные люди запомнили по разным причинам.

Лука помнил цену, потому что ковал скобы. Бажена помнила срок, потому что Остром торговался за отсрочку платежа. Подмастерье Ждан помнил число мостков: таскал для каждого по две боковые балки. Никто не слышал обещания работать за новой межей. Никто не видел, чтобы пятеро мастеров отдавали Оstromу право распоряжаться их умением.

Арсен записал показания на трёх отдельных дощечках. Пахом сидел возле горна и рассказывал свою часть, не пропуская позорного вызова у перекрёстной тени.

— Я сказал: пусть берёт умение, если мы должны, — повторил он. — Остальные не говорили вместе со мной. Нежата ругнулся, Силан согласился, младшие молчали.

— Имена младших, — попросил Арсен.

— Елко и Твердята.

— Где они должны быть сегодня?

— Елко живёт над бондарной мастерской. Твердята ночует у сестры за оврагом. Нежата с Силаном снимают угол возле соляных рядов.

Влада разложила дощечки на наковальне.

— Свидетели доказывают старые условия. Но Накресту предъявили дописанный заказ. Он будет держаться его, пока мы не покажем, что Остром не имел права менять цену.

— Права не имел, — сказал Лука.

— Людям этого достаточно. Духу нужна запись или поступок.

Пахом вскочил.

— Мой поступок ему годится? Я отзываю слова.

— Произнесённое у тени не отзываю, — ответил Арсен. — Можно доказать, что условие не наступило. Можно исполнить действительный долг. Можно переписать обязанность. Но сделать вид, что слов не было, нельзя.

— Тогда я сам закончу мостки.

Он схватил со стены деревянный угольник. Сжал правильно, большим пальцем придерживая внутренний угол. Потом попытался приложить к краю наковальни и повернул поперёк. Лука забрал инструмент прежде, чем Пахом понял ошибку.

— Ты сегодня ни к мосткам, ни к топору не подойдёшь, — сказал кузнец.

— Ты мне не хозяин.

— А ты теперь не видишь, где край. В кузнице этого хватает.

Пахом оглянулся на свидетелей. Жалость на их лицах ранила сильнее насмешки. Он сел, положил ладони на колени и заставил их не двигаться.

Арсен спросил, кто видел остальных плотников утром. Бажена встретила Нежату у соляных рядов: тот долго выбирал крышку для бочки, хотя прежде определял размер с одного взгляда. Ждан слышал, что Силан разругался с хозяином двора, потому что не смог починить ворота. Елко заходил за мелом и купил втрое больше нужного. О Твердате никто ничего не знал.

Пять частей общего навыка уже тянулись из леса к пяти людям.

Они пошли к соляным рядам. Пахома Арсен оставлять не хотел: его показания могли потребоваться, а одиночество толкнуло бы мастера проверять себя опасным способом. Лука дал им тележку для угля. Пахом сел на неё, ругаясь, будто его везли больным, и всю дорогу держал руки под мышками.

Нежату нашли у раскрытой бочки. Он пытался поставить на неё крышку, но брал то слишком широкую, то слишком узкую. Вокруг лежали шесть отброшенных кругов. Торговец солью стоял рядом красный от злости.

— Вот ваш старший, — сказал Нежата, увидев Пахома. — Пусть объяснит, почему весь посад сегодня растерял глаза.

Арсен положил перед ним две дощечки разной длины.

— Какая войдёт между этими бочками?

Нежата прищурился, обошёл их, измерил расстояние растопыренными пальцами. Выбрал длинную. Она не вошла.

— С утра так, — буркнул он. — Руки знают, а взгляд врёт.

— Что ты сказал Острому у тени?

— Что он грязная пиявка.

— Про умение.

Нежата посмотрел на Пахома.

— Я велел этому дурню не бросаться словами.

— Ты принял цену?

— Нет.

— Накрест слышал ругань, но не согласие, — сказал Арсен. — Значит, твоя часть уходит не по твоему обещанию. Она уходит потому, что Остром назвал умение общим.

Нежата сорвал фартук.

— Где приказчик?

— Если ударишь его, навык не вернётся. А свидетельство потеряем.

— Тогда что делать?

— Не работать острым инструментом. Не соглашаться ни на какую замену. И повторить свой отказ при свидетелях.

Нежата выругался ещё раз, на этот раз медленно и отчётливо. Бажена записала его слова мелом на крышке, потому что у Арсена кончились чистые дощечки.

Силан оказался во дворе постоянного дома. Ворота лежали на земле, а он сидел рядом и перебирал петли. Его потеря была иной: размер он видел, но не понимал последовательности работы. Силан мог объяснить, зачем нужна каждая деталь, однако ставил верхнюю петлю раньше нижней, искал молоток, держа его в руке, и трижды начинал снимать целую доску вместо одного погнутого гвоздя.

— Я согласился, — сказал он Арсену сразу. — Сам. Не прячусь. Остром обещал, что возьмут на день, а потом вернут, когда закончим.

— Накрест этого обещал?

— Остром.

— Значит, лес не связан его сроком.

Силан провёл ладонью по лицу.

— У меня дома мать лежит. Я чиню людям крыши, этим кормимся. Если откажутся от меня сейчас, до зимы не дотянем.

Пахом слез с тележки.

— Артель прокормит.

— Какая артель? Ты крышку от дна не отличишь, Нежата доски мерить не может. Елко с Твердтой и раньше за нами повторяли.

— Всё равно прокормит.

— Чем?

Пахом не ответил. Лицо у него сделалось пустым. Раньше он называл бы заказы, подсчитал запас, разделил работу. Теперь даже обещание помочь требовало умения, которого у него не было.

— Свидетели запишут обязательство артели содержать семьи до разбора долга, — сказал Арсен. — Не за счёт новых обещаний. За счёт уже оплаченных работ и склада.

— Остром опечатал склад, — сообщил Силан. — Сказал, древесина заложена вместе с нашим умением.

Влада резко подняла голову.

— Где печать?

— На воротах у старой лесопилки.

— Княжеская?

— Его собственная.

Теперь у них был не только спор о словах. Остром обращался с людьми, запасами и навыком как с одним имуществом. Если Накрест принял такую запись, лес мог взыскать с любого, кого приказчик сумеет вписать в артель.

Елко нашли над бондарной мастерской. Он чертил на полу одну и ту же дугу. Мела ушло столько, что сапоги и штаны были белыми до колен. Каждый круг не сходился на ладонь, и Елко начинал новый, всё сильнее давя на обломок.

— Не наступайте, — предупредил он. — Один сейчас получится.

— Сколько ты начертил? — спросила Влада.

— Четыре.

На полу было не меньше двадцати.

Арсен отобрал мел. Елко не сопротивлялся, только смотрел на пустые пальцы.

— Я ничего не говорил, — прошептал он. — Когда Пахом вызвал тень, я молчал. Молчание ведь не согласие?

— Нет.

— Тогда почему со мной это?

— Потому что кто-то записал пятерых как одни руки.

— Я не его руки.

— Вот это и придётся доказать.

Елко умел считать деньги, читать заказы и затачивать резцы, но не мог замкнуть линию. Потеря добралась до той части ремесла, которой мастер связывает начало работы с концом. Арсен велел ему назвать свидетелей обучения. Елко перечислил отца, Пахома и покойного деда, потом вспомнил три самостоятельно сделанных окна. Их покупатели могли подтвердить: навык принадлежал ему до вступления в артель.

Твердята не было у сестры. Дверь стояла распахнутой, на столе остывала каша. Сестра сказала, что он ушёл ещё затемно к новой меже: хотел доказать Остроуму, что способен один настелить сухой проход. С собой взял топор, пилу и копию заказа.

— Почему ты отпустила? — крикнул Пахом.

Женщина шагнула к нему.

— Потому что он взрослый. Потому что пришёл белый, руки тряслись, а ты не вернулся. Потому что он сказал: если старшие потеряли ремесло, младшему надо стать старшим. Какое объяснение тебе нравится?

Пахом отступил.

На подоконнике лежала щепка. Пять пустых прямоугольников были вырезаны на ней глубоко и неровно. Арсен приложил к ней долговую бирку. Потемневшее место оказалось первым слева; на щепке чернело пятое.

— Его долю начали брать, — сказал Арсен. — Но ещё не взяли всю.

— Значит, он может работать, — ответила сестра.

— Может думать, что может. Это опаснее.

Влада развернула княжеский приказ на столе. Северная линия проходила через Сучий брод и старую лесопилку, затем поворачивала к дому Дорнов. Твердята шёл туда, где сходились дописанный заказ, запечатанный склад и новая межа.

— Остром не просто переносит дорогу, — сказала она. — Он переносит долг вместе с границей. Пока дом считается выходом, лес обязан отпускать к нему заблудившихся. После рассвета этот знак станет обычной зарубкой на дереве.

— Для Накреста княжеский приказ не закон, — сказал Пахом.

— Но люди перестанут чинить тропу, держать мостки и свидетельствовать выход. Дом работает не одной магией. Если дорогу бросить, лес быстро докажет букву приказа делом.

Арсен смотрел на черту, пересекавшую рисунок дома. Отец учил его, что безопасный выход держится на трёх вещах: знак должен быть узнаваем, дорога — пройдена, дверь — открыта изнутри. Княжеский приказ отнимал первые две. Накрест уже попробовал обезличить знак. Оставалась дверь, и её тоже можно было закрыть, если хозяин уйдёт искать сына и не вернётся.

Снаружи закричали.

По улице бежал гонец, вручавший приказ. Без шапки, с разорванным рукавом. Он остановился у дома Твердятиной сестры и схватился за косяк.

— Работники пропали, — выговорил он. — Все четверо. Стояли возле телеги, потом дорога стала поперёк дороги. Я обернулся — их нет. Столбы тоже исчезли.

— Где писец? — спросила Влада.

— В телеге. Не сходит. Говорит, приказ велит закончить межу.

— А ты?

— Я не межевик.

В его голосе впервые не было чиновной ровности.

Арсен вышел на улицу. Над крышами посада виднелась опушка. Между деревьями проступили четыре красных столба, хотя ещё час назад их везли на телеге. Они стояли далеко друг от друга и образовывали крест. Пятый, тёмный, поднимался посередине.

На долговой бирке почернело второе пустое место.

— Нежата или Силан? — спросил Пахом.

— Не знаю.

— Ты сборщик.

— Поэтому и говорю, когда не знаю.

Арсен велел гонцу собрать у кузницы всех, кто видел вручение приказа, и никого не посылать к дому. Луке поручил запереть инструменты артели. Бажену попросил накормить мастеров и проследить, чтобы никто не принимал предложений Острома. Пахом потребовал идти с ними.

— Нет, — сказал Арсен.

— Твердята мой ученик.

— Поэтому ты сейчас останешься и назовёшь всё, чему его учил. По порядку. Кто видел первый ровный паз, кто принял его первую работу, что он сделал один. Нам нужно отделить его умение от общего.

Пахом хотел спорить, но Елко коснулся его плеча.

— Я запишу, — сказал младший плотник. — Буквы у меня пока сходятся.

Это была первая работа, которую они нашли себе после утраты навыка. Не прежняя и не достаточная, но настоящая.

Арсен и Влада вернулись к дому вдвоём. На дороге никого не было. Телега стояла у калитки, лошадь жевала край изгороди. Писец сидел на передке, прижав тубус к груди.

— Я должен составить отметку о переносе, — сообщил он.

— Составь отметку, что четыре работника исчезли после установки столбов без межевика, — сказала Влада.

— Они не установлены. Их унесли.

— Тогда напиши, что их унесли на глазах у гонца.

Писец посмотрел на лес и начал разворачивать тубус.

У калитки лежал новый знак. Красная черта была проведена по земле так ровно, будто её натянули шнуром. Она пересекала двор, проходила через крыльцо и уходила под дверь. По одну сторону оставались колодец и половина изгороди. По другую — печь, стол и окно, в которое прилетела бирка.

Влада присела перед чертой, растёрла охру пальцами.

— Смешана с золой старой караулки, — сказала она. — Остром взял землю с прежней межи. Поэтому Накрест считает перенос продолжением старого обещания.

Арсен переступил красную линию. Внутри дома что-то щёлкнуло.

Дверь захлопнулась перед ним.

Он потянул ручку. Та не поддавалась. Дом, который всю жизнь открывался заблудившимся, теперь не узнавал хозяина с лесной стороны новой границы.

— Не ломай, — сказала Влада. — Если разрушишь порог, потеряем знак раньше расвета.

— До рассвета приказ не действует.

— Для князя. Лес видит, что черту уже провели.

На внутренней стороне двери медленно проступили буквы. Арсен читал их сквозь дерево не глазами, а тем холодом в затылке, которым всегда отзывался Накрест.

«Безопасный выход перенесён».

— Куда? — спросил Арсен.

Красная линия под сапогами дрогнула. Один её конец потянулся на север, к тёмному столбу. Другой обвил фундамент дома.

Из-за двери донёсся стук. Не пять ударов — один, потом пауза, потом ещё один. Так работал человек, который забыл последовательность и каждый раз начинал заново.

— Твердята, — сказала Влада.

Арсен приложил ладонь к двери.

— Слышишь меня?

Стук прекратился.

— Мастер? — отозвался молодой голос. — Я почти закончил выход. Только не понимаю, с какой стороны он должен открываться.

Арсен закрыл глаза. Твердята находился внутри наложенного дома, как прежде Пахом, но теперь дом уже не был надёжным берегом. Если открыть дверь неверным способом, они могли выпустить не ученика к опушке, а лес в посад.

На дороге за спиной закрипели быстрые колёса. К калитке подъехал Остром Ляд в сухом плаще, хотя день был сырой. Он сошёл, оглядел красную черту и удовлетворённо кивнул.

— Приказ вручён, — сказал он. — Значит, дом больше не мешает работе.

Влада поднялась.

— Он действует с рассвета.

— Межа всегда делается заранее.

Арсен снял бирку. Два места почернели, три оставались пустыми. Между ними проступила новая тонкая надпись: «Общий навык следует за общей работой».

— Покажи договор, Остром.

Приказчик улыбнулся.

— Ты не принял взыскание. Значит, не имеешь права требовать бумагу.

— Я веду спор о человеке, которого лес держит за этой дверью.

— За дверью мой должник. А дверь с утра будет стоять на моей стороне межи.

— Дом не твой.

— Дом — нет. Выход — да. Князь оплатил новую дорогу, я отвечаю за неё и за всё умение, вложенное в работу.

Изнутри снова ударил молоток. На этот раз дерево треснуло.

Арсен понял, зачем Оstromу понадобился приказ. Подрядчик не собирался просто лишить дом защиты. Он хотел назвать безопасный выход частью дорожной работы, а затем предъявить лесу пятерых плотников как общее умение, которое должно этот выход перенести. Пока дом стоял на спорной земле, формулировка оставалась возможной.

— Если Твердята сломает порог, — тихо сказала Влада, — Остром заявит, что артель начала перенос. Тогда молчание остальных станет участием делом.

Арсен постучал в дверь условным знаком: два коротких, один длинный. Так отец звал его из леса, когда мальчик забывал дорогу.

— Твердята, положи молоток.

— Не могу. Мне надо закончить.

— Кто тебе это велел?

— Договор.

— Ты его читал?

За дверью наступила пауза.

— Остром прочитал.

— Тогда ты слышал его слова, а не договор. Положи молоток.

Остром шагнул к крыльцу.

— Не вмешивайся в исполнение долга.

Арсен встал между ним и дверью.

— До рассвета это безопасный выход. Здесь мои условия.

— После рассвета ты никто.

— После рассвета и поговорим.

Он снова приложил ладонь к дереву. Порог дрожал от ударов, но между ними стали появляться длинные паузы. Тело Твердыты ещё помнило послушание мастеру, хотя сам Пахом остался в посадё.

— Положи молоток на пол, — повторил Арсен. — Отойди на три шага. Не мерь глазами. Считай пятками.

Раздался глухой стук упавшего инструмента.

Остром выругался и потянулся к дверной ручке. Влада перебросила межевую цепь через крыльцо. Приказчик зацепился сапогом и едва не упал.

— Свидетель, — сказала она писцу, не глядя на него. — Запиши: подрядчик пытался открыть действующий безопасный выход во время спасения заблудившегося.

Перо закрипело по бумаге.

Остром выпрямился.

— Вы не удержите дом. На рассвете столбы встанут, дорогу закроют, и каждый, кто остался в лесу, будет выходить там, где указано приказом.

— Где?

Приказчик промолчал.

Арсен посмотрел на красную линию, уходившую к северу. Нового безопасного выхода на карте не было. Остром снял старый, не устроив другого. Значит, после рассвета все заблудившиеся останутся без признанного пути, а Накрест получит право назначать цену за каждый отдельный выпуск.

Дом был не просто имуществом Арсена. Он удерживал лес от торговли человеческим возвращением.

За дверью Твердыта начал считать шаги. Один. Второй. Третий.

Арсен взялся за ручку, но не повернул.

— Я открою, — сказал он. — Ты не идёшь на свет. Идёшь на мой голос.

— А где свет?

— Именно поэтому не смотри.

Влада закрепила цепь на старом выходном столбе. Остром стоял у красной черты, не решаясь переступить её при писце. Лес вокруг дома медленно темнел, хотя до вечера оставалось несколько часов.

Арсен открыл дверь на ширину ладони.

В щели не было комнаты. Там тянулись свежие мостки через чёрную топь. На дальнем конце стоял Твердыта с закрытыми глазами. За его спиной поднимались четыре красных столба, а между ними висели фигуры пропавших работников, спутанные светлыми нитями чужих движений.

У самого дальнего столба Арсен увидел ещё одного человека.

Тот стоял боком, опираясь на дорожный молоток. На левой руке блеснул медный браслет, который Влада подарила сыну в день совершеннолетия.

— Мирек, — выдохнула она.

Фигура подняла голову.

Накрест заговорил сразу из пяти столбов:

— Дом на спорной земле. Сын на спорной дороге. Назови, кого выводишь первым, сборщик.

Глава 4. Долг чужими руками

Арсен не ответил.

За дверью чернела топь, хотя крыльцо стояло на сухой опушке. Твердята замер на ближнем конце мостков. Четверо межевых работников висели между красными столбами, опутанные светлыми нитями. Мирек находился дальше всех, и его лицо скрывала тень.

Накрест ждал имени.

Так дух поступал всегда, когда хотел превратить решение в обещание. Стоило Арсену сказать «сын» или «ученик», и остальные стали бы платой, оставленной добровольно. Выбор казался неизбежным только потому, что его уже разделили на две удобные половины.

— Я вывожу заблудившегося, стоящего у действующего безопасного выхода, — сказал Арсен.

Пять столбов заскрипели.

— Их шестеро.

— Значит, шестеро стоят у выхода.

— Цена различна.

— Тогда назови цену каждого и его собственный долг.

Тени между столбами дрогнули. Накрест мог требовать исполнения, но обязан был указать запись, на которой держалось требование. В старых договорах это называлось правом слышать долг: человеку нельзя было платить за неизвестное обещание.

— Плотник несёт общее умение, — произнёс дух. — Работники несут новую межу. Сын несёт свидетельство старой.

Влада шагнула ближе к щели.

— Свидетельство не долг.

— Оно удержано.

— Кем?

На этот раз ответ пришёл не из столбов. Остром заговорил за их спиной:

— Мирек украл межевую книгу. Он вошёл в лес с княжеским имуществом и теперь отвечает за задержку работ.

Влада повернулась так резко, что цепь ударила по ступени.

— Межевую книгу он унёс по моему приказу. Я велела сверить старые знаки до утверждения новой линии.

— У тебя нет службы.

— Чин сняли, умение осталось.

— Именно умение нас и интересует, — сказал Остром.

Арсен слышал в этих словах больше, чем приказчик хотел открыть. Остроуму понадобилось не только плотницкое мастерство. Он собирал людей, способных строить, мерить и находить дорогу. Для переноса выхода требовалась целая связка навыков, и каждый удержанный человек становился её частью.

— Покажи договор, — повторил Арсен.

— Сначала прими взыскание.

— Тогда у тебя нет записи.

Остром вынул из-за пазухи сложенный лист.

— Запись есть. Права смотреть у тебя нет.

Влада положила руку на межевую цепь.

— У меня есть. Новая граница проведена по моему старому промеру. Если документ ссылается на него, я сторона свидетельства.

— Ты отстранена.

— После составления промера. Составителя из записи не выскоблишь.

Остром взглянул на писца. Тот сидел в телеге и делал вид, что занят отметкой, но перо застыло над пергаментом. Отказ показать документ составителю промера следовало записать. Приказчик понял это и развернул лист на расстоянии, не выпуская из рук.

Арсен увидел старую артельную зарубку, пять имён и описание весенней работы. Ниже другим составом чернил была дописана новая межа. Ещё ниже шла строка о том, что «всё общее умение, вложенное или потребное для завершения, отвечает за общий результат до принятия дороги».

— Читай вслух, — сказала Влада писцу.

Остром сложил лист.

— Достаточно посмотрели.

— Накрест, — позвал Арсен, не сводя глаз с бумаги. — Чья рука поставила имена?

— Плотника Пахома.

— Чья рука дописала новую межу?

— Подрядчика Острома.

— Кто поставил знак после дописки?

Столбы молчали.

Остром отступил на шаг.

— Старый знак относится ко всему листу.

— Так говорят люди, которые добавляют условие ниже подписи, — заметила Влада.

Арсен продолжал обращаться к духу:

— Был ли Пахом при дописке?

— Был призван позднее.

— Принял ли Нежата?

— Отверг словами.

— Принял ли Елко?

— Молчал.

— Принял ли Твердята?

— Взял инструменты и пришёл к работе.

Вот почему ученик находился за дверью. Накрест посчитал поступок согласием, хотя Твердята не читал записи. Для духа движение к мосткам весило больше чужого пересказа. Но и это ещё не давало Острому права обещать умение всех пятерых.

— Ты взыскал с Нежаты, который отверг условие, — сказал Арсен. — С Елко, который не ответил. С Пахома, согласившегося только при действительном долге. Назови, кто дал подрядчику право говорить от их рук.

— Артельный знак.

— Знак принимает заказ и цену работы. Он не делает пять тел одним.

— Результат общий.

— Результат — мостки. Умение каждого остаётся при нём.

Накрест не спорил. Светлые нити вокруг работников натянулись. Дух проверял букву записи, отыскивая в ней ответ, которого там не было.

Остром поднялся на крыльцо.

— Слова ничего не изменяют. Плотники взяли деньги за сухой проход. Прохода нет.

— Потому что ты перенёс межу после заказа, — сказала Влада.

— Дорога должна служить князю там, где нужна князю.

— Тогда это новый заказ.

— Это та же дорога.

— Река после разлива тоже та же. Но мост через новое русло строят за новые деньги.

Остром коснулся сложенным договором дверного косяка. Дерево под бумагой потемнело. Твердята за щелью согнулся, будто ему на плечи положили бревно.

— Не прикасайся к дому, — сказал Арсен.

— Он на лесной стороне.

— Приказ действует с рассвета.

— А долг просрочен на семь дней.

Приказчик снова прижал лист к косяку. Накрест получил близкую запись и сразу протянул к ней тень. Красная линия на полу вспыхнула.

Арсен мог вырвать договор. Тогда Остром заявил бы о нападении, писец подтвердил бы, что сборщик уничтожил княжескую бумагу, а дух сохранил бы услышанное условие. Бумагу нужно было не отнять, а заставить свидетельствовать против владельца.

— Твердята, — позвал Арсен. — Ты слышишь меня?

— Да.

— Кто велел тебе прийти к меже?

— Никто.

Остром дёрнул лист, но тень уже держала его край.

— Зачем ты пришёл?

— Хотел закончить работу.

— Какую?

— Мостки у Сучьего брода.

— Перенос дома входил в неё?

— Нет. Я увидел столбы потом.

— Ты согласился отдать умение за перенос выхода?

— Нет.

Мостки за дверью качнулись. Твердята сделал шаг к голосу Арсена.

— Стоять! — приказал Остром.

Юноша остановился.

— Чей приказ ты исполняешь? — спросил Арсен.

— Не знаю.

— Тогда не двигайся ни на один чужой голос. Только считай мои удары.

Арсен постучал костяшками по косяку один раз. Твердята переставил ногу на одну доску. Второй удар — ещё шаг. Он шёл с закрытыми глазами, не пытаясь определить расстояние.

Остром сорвал договор с тени и сунул за пазуху. Наложённое пространство дрогнуло, но не исчезло. Накрест уже услышал отказ ученика.

— Один выходит, — проскрипели столбы. — Остальные остаются.

— Назови его цену, — потребовал Арсен.

— Незавершённое умение.

— Оно принадлежит ему.

— Он принёс его к долгу.

— Он принёс инструменты. Не умение.

— Рука несёт умение.

— Тогда всякий человек, пришедший с руками, становится залогом?

Вопрос прозвучал просто, но дух снова замолчал. Накрест соблюдал договор до буквы, а буква не знала рук без человека. Остром как раз пытался заставить её считать умение отдельной вещью, которую можно снять, разделить и передать.

Влада нагнулась к красной линии и соскребла немного охры ножом.

— Это не межевой знак, — сказала она громко. — В нём нет земли новой границы. Только зола старой караулки и краситель.

Писец спрыгнул с телеги.

— По приказу столбы должны ставиться на промеренной земле.

— Их не промеряли, — ответила Влада. — Остром принёс старую землю, чтобы выдать перенос за продолжение прежней линии.

— Ложь, — сказал приказчик.

— Дай мне мешок охры.

Он не двинулся.

Писец посмотрел на рабочих за дверью. Один из них медленно вращался между нитями, и на его лице проступала серая корка.

— Где мешок? — спросил писец.

Остром схватил его за рукав.

— Твоё дело — переписывать.

— Моё дело — подтвердить исполнение княжеского приказа. Если столбы поставлены без промера, я не могу подтвердить.

— Подтвердишь, когда закончат.

— Кто? Эти четверо?

Впервые Остром оглянулся на людей, будто вспомнил, что они не просто части работы. Этого мгновения хватило. Влада метнулась к его телеге, откинула полог и вытащила кожаный мешок. На дне лежала охра, перемешанная с серой золой и щепками старого столба. Рядом обнаружилась межевица — короткий железный жезл с княжеским знаком.

— Украл служебную мерку, — сказала она.

— Купил у Стогана.

— Её нельзя продавать.

— Тогда спроси с него.

— Спрошу. После того как выведем людей.

Твердыта добрался до середины мостков. Каждый его шаг отдавался болью на лицах остальных плотников, оставшихся в посадке. Арсен чувствовал это по бирке: три пустых места нагревались, два чёрных холодели. Общее взыскание тянуло навыворот сразу во все стороны. Если выдернуть одного силой, потеря могла лечь на других.

— Остановись, — сказал Арсен.

— Я близко.

— Поэтому остановись.

— Мастер учил не останавливаться на середине настила.

— А ещё он учил проверять опору.

Твердыта опустил на корточки и ошупал доску. Пальцы двигались уверенно, пока не требовалось сравнить расстояния. Тело помнило, как искать шат, как слушать скрип волокон. Под ладонью обнаружилась щель.

— Здесь нет опоры, — сказал он.

— Отступи на один удар.

Арсен постучал. Твердыта вернулся. Доска впереди провалилась без всплеска. Под ней была не вода, а тёмный лес, уходивший вниз вершинами.

Накрест предлагал короткий путь, который существовал только пока человек верил в него.

— Мостки не приняты, — сказал Арсен. — Работа не завершена. Ты не можешь взыскивать за результат, которого нет и который заказчик сам перенёс.

— Срок прошёл.

— По старому заказу срок относится к старому месту. Там мостки есть?

Молчание.

— Отвечай по записи.

— Есть.

Остром побледнел.

Влада подошла к двери.

— Старый сухой проход готов?

— Готов.

— Принят заказчиком?

— Не принят.

— Почему?

Столбы заскрипели, словно тяжёлые двери.

— Заказчик не пришёл.

Писец быстро записывал каждое слово. Теперь смысл старого долга перевернулся. Плотники выполнили обещанное на прежней линии. Просрочка возникла не из-за их работы, а из-за отказа Острома принять её после переноса дороги.

— Значит, должник по старому заказу — заказчик, — сказал Арсен.

Остром бросился к телеге. Влада заступила дорогу, но он толкнул её плечом. Арсен успел перехватить приказчика за ворот. Тот оказался жилистым и сильным, ударил локтем в рёбра, вывернулся. Из-за пазухи выпал договор.

Лист лёг прямо на красную черту.

Тень Накреста прижала его к земле.

— Не трогать, — приказал Арсен всем сразу.

Чернила начали проступать ярче. Старая часть договора оставалась чёрной. Дописанные строки стали красными, как межа. Под ними проявилось ещё одно условие, прежде скрытое складкой:

«Если прежний выход помешает переносу, умение владельца дома присоединяется к общему делу».

Арсен прочитал дважды. Остром собирался взять не только мастерство плотников и промер Влады. Он вписал умение Арсена находить и открывать безопасные пути.

— Моего знака здесь нет, — сказал Арсен.

— Дом стоит на заказанной дороге, — ответил Остром, тяжело дыша. — Убери его или исполни работу.

— Ты не можешь обещать чужой дом.

— Земля княжеская.

— Земля — возможно. Моё умение не княжеское.

Накрест заговорил из-под листа:

— Владелец пользуется выходом по договору отца.

Арсен почувствовал, как Влада взглянула на него. Об отцовском договоре они знали мало: дом сохранили после старого лесного спора, а взамен Дорны обязались служить сборщиками. Арсен всегда считал эту службу своей, принятой после смерти отца. Теперь дух напомнил: начало лежало глубже.

— Покажи тот договор, — сказал Арсен.

— Не в этом взыскании.

— Тогда и не ссылайся на него.

— Дом связан.

— Дом связан, я связан. Плотники — нет.

Светлые нити на Твердыте ослабли. Одна за другой они отлипли от его плеч и потянулись к листу. Остром попытался поднять бумагу, но тень не позволила.

— Я подрядчик княжеской дороги! — крикнул он. — Без меня посад останется без подвоза. Князь велел закончить путь.

— Князь велел перенести межу, — сказал писец. — Про умения в приказе ничего нет.

— Потому что князь не обязан знать ремесленные мелочи.

— Человеческие руки — не мелочь.

Писец произнёс это тихо, удивившись собственной смелости.

Арсен постучал по косяку. Твердята сделал шаг в обход провала. Теперь он проверял каждую доску руками, не доверяя виду. Путь получался длиннее, зато настоящий. До порога оставалось семь шагов.

— Цена выхода, — напомнил Накрест.

— Старый заказ исполнен. У Твердяты нет долга.

— Он заблудился.

— Потому что ты перенёс тропу по ложной меже.

— Межа предъявлена.

— Не межевиком и не на земле промера. Влада засвидетельствовала подлог. Писец записал.

Тень на договоре раздвоилась. Одна часть держала старые строки, другая — красные. Накрест не умел отменять договор, зато мог отделить дописанное, если оно не имело общего свидетельства.

Красные буквы поднялись с листа тонкими нитями. Они тянулись к Твердяте, рабочим, Миреку, дому. Арсен ожидал, что дух оборвёт их. Но Накрест свёл концы в один узел и протянул Остроуму.

— Дописавший отвечает за дописанное, — произнёс он.

Узел коснулся руки приказчика.

Остром закричал. Пальцы его сжались, будто в них вложили сразу топор, мерную цепь, дорожный молоток и ключ от дома. Чужие движения рванули руку в разные стороны. Он упал на колени.

— Убери это!

— Ты назвал умение общим, — сказал Накрест. — Ты назвал себя владельцем работы.

— Я владелец результата!

— Результат не принят.

Арсен мог позволить духу закончить взыскание. Остром сознательно дописал чужие обязательства, опечатал склад, заманил людей к меже. Казалось справедливым заставить его вынести всю цену. Но тогда они подтвердили бы главное заблуждение: будто умение можно собрать в узел и вручить виновному.

— Не бери с него чужое ремесло, — сказал Арсен.

Влада повернулась к нему.

— Он сам это записал.

— Записал. Но Пахом от этого не станет плотником снова. Чужие движения только искалечат Острома.

Приказчик корчился на земле. Его рука пыталась чертить, рубить и забивать одновременно.

— Тогда назови взыскание, — потребовал Накрест.

Арсен посмотрел на готовые мостки за дверью, на украденную межевицу, на ложную охру и непринятый старый заказ.

— Пусть исполнит то, что действительно должен. Примет старую работу, снимет печать со склада, оплатит артели остаток. Затем восстановит прежние знаки до разбора княжеского приказа. Своими руками или нанятыми — но не чужим умением.

— Много действий.

— Один вред. Он лишил людей заработка и безопасной дороги. Пусть вернёт заработок и дорогу.

— Я не соглашался! — прохрипел Остром.

— Это не новый договор, — ответил Арсен. — Это исполнение старого.

Накрест ослабил узел, но не снял его. Красные нити вошли Остроуму под кожу тонкими полосами.

— До исполнения дописавший несёт собственную способность завершать начатое, — решил дух.

Остром попытался подняться и не смог закончить движение. Колено распрямилось наполовину, ладонь зависла над землёй. Он мог начать любое действие, но его тело бросало его на середине.

— Это не моё условие, — сказал Арсен.

— Это его умение, — ответил Накрест. — Его цена.

Арсен не нашёл возражения. Дух впервые взял у Острома не чужое, а то, чем тот пользовался для вреда: способность доводить замысел до результата. Цена оставалась жестокой, но принадлежала должнику.

Твердята дошёл до порога. Влада натянула цепь. Арсен распахнул дверь шире и велел ученику переступить красную линию, не касаясь косяка. Юноша шагнул, ударился плечом об Арсена и повис на нём всем весом.

Щель за спиной начала закрываться.

— Мирек! — крикнула Влада.

Сын поднял левую руку. В ней была зажата толстая книга в кожаном переплёте.

— Я нашёл старый промер! — донеслось издалека. — Не закрывайте северную дорогу. Столбы стоят не на границе. Они стоят на договоре!

Дверь захлопнулась.

Влада бросилась к ручке, но Арсен удержал её.

— Сейчас откроешь в другое место.

— Он там.

— Я видел.

— Тогда почему вывел Твердята?

Вопрос был тем самым, которого ждал Накрест. Только теперь его задавала не тень, а мать.

Арсен отпустил ученика. Твердята сел на ступень и прижал руки к груди.

— Потому что он был у порога, — сказал Арсен. — И потому что я не стану оставлять одного человека лишь затем, чтобы доказать любовь к другому.

Влада закрыла глаза. Потом кивнула, один раз, тяжело.

Остром всё ещё стоял на одном колене. Писец поднял договор за чистый край и положил в тубус вместе со своей отметкой. Приказчик протянул к нему руку, но движение снова оборвалось.

— Документ будет у меня до княжеского разбора, — сказал писец.

— Ты мой служащий.

— Я служащий приказа дорог.

Влада забрала украденную межевицу. Красная линия через дом побледнела, однако не исчезла. До рассвета оставалось меньше ночи, и сам княжеский приказ по-прежнему был действителен. Они выиграли спор о старом заказе, но не спасли статус дома.

Арсен посмотрел на бирку. Второе чёрное место снова стало светлее, но первое оставалось тёмным. У Пахома ничего не вернулось. Накрест отделил ложную дописку, не отменив цену, которую уже успел взять по словам самого мастера.

Твердята разжал ладонь. В ней лежала щепка с крошечной зарубкой.

— Мирек сунул, когда я проходил, — сказал он.

На щепке был вырезан старый знак дома Дорнов — с той самой выбоиной. Под ним шли три короткие черты и одна длинная. Арсен узнал дорожную запись отца: «Ищи не дверь, а тех, кто прошёл».

— Что это значит? — спросила Влада.

— Мирек нашёл старый промер не только земли, — ответил Арсен. — Он нашёл запись о людях, которые сделали дом выходом.

Со стороны посада ударил колокол. Первый ночной час.

До рассвета им предстояло вернуть четверых работников, добраться до Мирека и доказать, что безопасный путь принадлежит не дому и не княжеской черте, а тем, кто умеет про- вести по нему живого человека.

Глава 5. Тело помнит топор

Пахом отказался идти к северным столбам.

Он сидел на лавке у печи, держал топор обеими руками и смотрел на него так, словно инструмент принесли после похорон хозяина. Топор был его: тёмная рукоять с прожжённым пятном, лезвие с узким сколом у носка. Пахом узнал и пятно, и скол. Он помнил, где купил железо, как трижды менял топориче, как однажды уронил его в заводь и доставал багром. Только рука не знала, что теперь делать.

— Вы хотите провести людей по моей памяти, — сказал он. — А у меня её нет.

— Память есть, — ответил Арсен. — Нет верного движения по приказу головы.

— Очень утешает.

Пахом поднял топор, примерился к полену и опустил, не ударив. Он не мог определить, под каким углом ляжет лезвие. Даже простая чурка расплывалась перед ним множеством возможных расколов.

Твердята стоял у стены, всё ещё бледный после выхода. Ученик хотел что-то сказать мастеру, но не решался. Влада перевязывала ему ладонь, содранную о мостки. За окном ночь густела, а до рассвета оставалось три колокола.

— Там четыре дорожных работника и Мирек, — сказала Влада. — Если дом перестанет быть выходом, дверь их больше не найдёт.

— Тогда ведите сами.

— Накрест уже показал ложные мостки, — сказал Арсен. — На вид они крепкие. Под ногами уходят в лес. Нам нужен человек, который узнает настоящую опору раньше, чем увидит.

Пахом коротко рассмеялся.

— Я нынче и табурет не узнаю.

Арсен взял со стола три обрезка: сосновый, еловый и осиновый. Положил перед плотником, предварительно погасив свечу. В комнате остался только красный свет из печной щели.

— Не смотри. Возьми тот, который положил бы под сырые мостки.

— Я не помню.

— Не называй дерево. Просто выбери.

Пахом раздражённо протянул руку. Пальцы задержались на сосне, сдвинулись к ели, сжали осину и сразу отпустили. Потом вернулись к сосне. Большой палец провёл по торцу, ноготь вошёл в годичное кольцо. Пахом выбрал сосновый обрезок и швырнул Арсену.

— Случайно.

Арсен поменял куски местами.

— Ещё раз.

Пахом снова взял сосну.

В третий раз Влада завязала ему глаза своим платком. Он выбрал тот же обрезок, хотя сперва обнюхал все три и пробормотал ругательство.

— Это не умение, — упрямо сказал он. — Это нос.

— Нос тоже твой.

— Мост через топь носом не строят.

— Сегодня и не будем строить. Будем узнавать то, что ты уже делал.

Твердята наконец оторвался от стены.

— Мастер, на старых мостках ты ставил метки снизу. Чтобы весной видеть, какую плаху подняло водой.

Пахом повернул к нему голову.

— Какие метки?

— По зарубке на каждую опору. Один косой рез от посада, два от топи. Я смолу грел, а ты резал.

— Не выдумывай.

Твердята побледнел ещё сильнее, но не отступил.

— Ты заставил меня переделать семь зарубок, потому что я резал поперёк волокна.

Рука Пахома, лежавшая на топорище, сама повернулась. Большой палец нашёл место под обухом, указательный лёг вдоль дерева. Топор ещё не поднялся, но хват стал другим — не испуганным, а рабочим.

Арсен увидел это. Увидела и Влада.

— Пойдёшь не мастером, — сказал Арсен. — Пойдёшь человеком, чьи руки бывали на тех мостках. Я не стану просить тебя рубить, мерить или отвечать за чужую жизнь. Только касаться опор и говорить, когда тело узнает знакомое.

— А если не узнает?

— Тогда вернёмся.

— Ты всегда так легко обещаешь возвращение?

Арсен вспомнил дверь, которая уже один раз не признала его с лесной стороны.

— Нет. Поэтому возьмём настоящую дорогу с собой.

Влада поняла первой. Она сняла межевую цепь, растянула по полу и велела Твердята принести со двора моток просмоленной верёвки. Арсен нашёл в сених старые кольца от ограды. Каждый кол получал имя того, кто его нёс. Не знак дома, не княжеское клеймо, а простую зарубку, понятную в темноте: Арсен — одну прямую, Влада — две, Пахом — косую, Твердята — крест.

— Четыре человека, — сказал Пахом. — Четыре разных знака. Потом лес спросит, кто владел дорогой.

— Никто, — ответила Влада. — Но каждый сможет засвидетельствовать свою часть.

Твердята взял нож и начал вырезать крест на своём колу. Первый рез вышел слишком глубоким. Пахом поморщился и, не думая, перехватил его запястье.

— Не дави. Поведи к себе.

Оба замерли.

Пахом отпустил руку ученика, будто обжёгся.

— Это ничего не значит.

— Значит, что ты можешь учить, — сказал Твердята.

— Я могу повторять слова.

— Ты увидел мой нажим раньше меня.

Пахом отвернулся. Однако топор заткнул за пояс.

Они вышли через северную дверь. На этот раз Арсен не открывал её ключом. Влада положила на порог щепку, переданную Миреком, Твердята коснулся зарубки ученика, а Пахом постучал обухом по косяку: три коротких удара и один длинный. Дом ответил скрипом балок. За дверью возникла не топь, а тесная тропа между елями.

Красные столбы стояли далеко впереди. Светлые нити тянулись от них к людям, которых отсюда было не различить. Дверь за спиной осталась открытой, но в проёме вместо комнаты уже виднелся чёрный склон. Дом удерживал направление, а не место.

— Первый кол здесь, — сказала Влада.

Она вбила его за порогом и обвязала цепью. Твердята закрепил верёвку отдельным узлом. Арсен проверил оба крепления.

— Если увидите меня впереди без бирки на поясе, не слушайте, — сказал он. — Если увидите Владу без цепи, не идите за ней. Пахома узнавайте не по топору, а по сколу на лезвии. Твердята — по перевязанной правой ладони.

— А Мирека? — спросила Влада.

— По вопросу, ответ на который знает только он.

— Какому?

Арсен не успел придумать. Из темноты впереди донёлся голос сына:

— Отец, почему ты оставил меня у столбов?

Влада вздрогнула. Пахом схватился за топор. Арсен вынул долговую бирку и показал остальным. На ней по-прежнему темнели два места.

— Вот поэтому вопрос должен выбрать он сам, — сказал Арсен.

Голос повторил ближе:

— Почему вывел чужого ученика, а не меня?

— Потому что ученик стоял у выхода, — ответил Арсен. — А ты никогда не называл Твердята чужим.

Лес зашуршал, будто множество людей одновременно перевернули страницы. Голос больше не приближался.

Они пошли, оставляя колья там, где тропа меняла уклон. Влада отмечала расстояние звеньями цепи. Твердята вёл верёвку. Арсен держал бирку перед собой. Пахом шёл последним и касался топором каждого дерева с затёсанным боком.

Сначала он не узнавал ничего. Затем остановился у пня, скрытого мхом.

— Здесь была опора.

— Видишь зарубку? — спросил Арсен.

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

Пахом поставил ногу на корень, наклонился и провёл ладонью по земле.

— Не знаю. Не стойте справа.

Твердята шагнул вправо нарочно. Почва под сапогом просела, открыв узкую яму с водой. Пахом выругался и дёрнул ученика за ворот.

— Сказано же.

— Значит, помнишь.

— Земля мягкая. Любой заметит.

Влада опустилась рядом и потрогала мох. Сверху он был сухим и плотным; провал ничем себя не выдавал.

— Не любой, — сказала она.

Пахом пошёл дальше, сердясь на них и на собственные ноги. Чем ближе стояли северные столбы, тем чаще тропа пыталась разветвиться. На одной развилке верёвка тянулась сразу в три стороны. Три Твердята держали её и каждый кричал, что настоящий именно он. Арсен не стал спрашивать о повязке: у всех троих ладони были забинтованы.

Пахом прошёл между ними. Двое отступили. Третий посмотрел на мастера с привычной обидой человека, которому снова не доверили взрослую работу.

— Покажи кол, — велел Пахом.

Твердята протянул свой. Крест был вырезан слишком глубоко, один край щепился.

— Этот, — сказал Пахом.

— Почему?

— Потому что я не успел заставить его переделать.

Ложные ученики рассыпались трухой. Настоящий Твердята улыбнулся, но Пахом уже отвернулся.

У первого красного столба они нашли дорожного работника. Мужчину звали Братилю; Влада помнила его по утреннему промеру. Он стоял по колено в сухих листьях и обеими руками держал невидимый шест. Светлая нить была привязана к его локтям. Когда Арсен окликнул его, Братилю продолжил поворачивать шест, будто наматывал на него дорогу.

— Я ставил столб, — повторял он. — Я ставил столб. Я ставил.

— Поставил? — спросила Влада.

— Не могу закончить.

Остромова цена докатилась и сюда. Пока приказчик не мог завершить начатое, связанные его допиской люди повторяли последние движения. Арсен перерезать нить не мог: это было бы вмешательством в взыскание. Он приложил бирку к столбу.

— Накрест, назови долг Братицы.

Дух ответил из древесины:

— Несёт новую межу.

— По чьему приказу?

— Подрядчика.

— Приказчик уже признан дописавшим без права. Писец забрал договор. Почему работник удержан?

— Он совершил действие.

— Он вбил столб туда, куда велели.

— Земля запомнила удар.

Арсен посмотрел на Пахома. Плотник вынул топор. Его лицо побелело.

— Не рубить столб, — предупредил Арсен.

— Я понял.

Пахом встал перед Братицей, взялся за невидимый шест вместе с ним и позволил чужому движению пройти через свои руки. Поначалу оба крутили пустоту. Потом плотник изменил хват: не остановил, а направил вниз. Братица согнул колени. Воображаемый шест упёрся в землю.

— Доводи, — сказал Пахом. — Не крути. Ставь.

Работник надавил. Под листьями что-то хрустнуло. Из земли поднялся короткий красный обломок, который Братица действительно не успел забить. Теперь он вошёл до конца. Светлая нить на локтях ослабла.

— Закончил, — выдохнул Братица.

— Теперь вынь, — сказала Влада.

Он выдернул обломок собственными руками. Нить упала. Накрест заскрипел в столбе, но не возразил: действие состоялось, а ложная межа была снята тем, кто её ставил.

До второго работника добрались по едва заметной гряде. Здесь Пахом шёл первым. Он не умел назвать расстояние до кочки и несколько раз оступался на ровном месте. Зато каждый раз безошибочно отдёргивал ногу перед доской, под которой не было опоры.

Арсен заметил жестокую точность утраты. Лес не забрал у плотника прошлое целиком. Он разъединил части мастерства, которые прежде помогали друг другу. Руки помнили нажим, ступни — шат, ухо — треск, но Пахом не мог собрать эти сигналы в решение. Он узнавал опасность после того, как тело уже спасалось от неё, и потому считал спасение случайностью.

Второй работник, седой Лют, лежал под настилом и держал его плечами. Настил был ложным, но тяжесть оказалась настоящей. Твердята полез к нему, однако Пахом остановил ученика.

— Если подопрёшь рядом, лес получит двух держащих.

— Тогда как снять?

Пахом присел, ощупал край доски и закрыл глаза. Его пальцы двигались по древесине, отыскивая направление волокон. Топор он передал Арсену.

— Держи обухом к себе. Нет, ниже. Я не буду рубить.

Он провёл ладонью вдоль настила, нашёл невидимый глазу стык и велел Твердате просунуть туда кол. Ученик нажал. Доска приподнялась на толщину пальца.

— Ещё один кол, — сказал Пахом.

— Куда?

— Не знаю. Дай руке.

Твердята положил его ладонь на край. Пахом медленно повёл пальцами и остановился над тёмным сучком.

— Здесь никогда не ставят опору, — пробормотал он. — Значит, рядом.

Второй кол вошёл на ладонь левее. Настил поднялся. Лют выполз, кашля сухими листьями. Когда он выбрался, доски осыпались корой. Под ними никакой тяжести не было.

— Ты построил рычаг, — сказал Твердята.

— Ты построил. Я только тыкал пальцем.

— Ты знал куда.

— Я знал, куда нельзя.

Арсен вернул ему топор.

— Сегодня этого достаточно.

Пахом не ответил, но топор взял уже за середину топорища, как брал всегда в дороге.

Третьего и четвёртого работников удерживала одна нить. Они стояли по разные стороны канавы и тянули цепь, которой на самом деле не существовало. Один шагал к посадку, другой — к лесу. Чем сильнее каждый тянул, тем шире становилась канава.

Влада окликнула их по именам: Годин и Шум. Оба услышали, но бросить цепь не смогли.

— Мы мерили, — сказал Годин. — Столбы не сходились.

— Потому что мерка краденая, — ответила Влада. — И земля на ней старая.

— Тогда где конец?

— У всякого промера два свидетеля. Вы стоите не на концах, а в середине чужой ошибки.

Она размотала настоящую цепь и бросила один конец Братиле, другой Люту. Затем велела им отойти назад по пройденной тропе, пока звенья не натянулись между кольями. Получилась прямая линия, не совпадавшая с красными столбами.

— Вот земля, которую мы действительно прошли, — сказала Влада. — Годин, отпусти то, чего нет, и возмись за то, что можешь потрогать.

Годин раскрыл пальцы. Невидимая цепь хлестнула Шума, канава расширилась, но Годин успел схватить настоящую. Влада удержала его. Шум повис над провалом, привязанный светлой нитью к противоположному столбу.

— Теперь твоя очередь, — сказала ему Влада.

— Я упаду.

— Не упадёшь. Пахом даст тебе доску.

Плотник оглянулся. Вокруг лежали десятки досок, одинаково серых. Он подходил к каждой, касался носком, стучал обухом и отходил. Время уходило. За деревьями ударил второй ночной колокол.

— Не могу выбрать, — сказал Пахом.

— Можешь, — возразил Твердята.

— Замолчи.

— Ты уже дважды выбрал опору.

— Я выбрал место, где не сломалось. Это другое.

— Тогда не выбирай лучшую. Отбрось те, что точно не выдержат.

Пахом посмотрел на ученика. Арсен понял: эту мысль Твердята слышал когда-то от него самого. Плотник тоже понял. Он стал отбрасывать доски. Одна звенела слишком сухо, другая была подточена, третью повело винтом. Оставалось четыре, затем две. Между ними Пахом выбрать не смог.

— Обе, — сказал Арсен.

Они связали доски верёвкой. Пахом не доверил узел себе и приказал Твердяте сделать плотницкую петлю. Ученик ошибся с первого раза. Пахом распустил узел, медленно повторил движение его пальцами и только в конце заметил, что завязал правильно.

Две доски легли через канаву. Шум отпустил пустоту и упал на них грудью. Все шестеро потянули настоящую цепь. Его вытащили.

Когда последняя светлая нить сорвалась с работников, красные столбы разом стали ниже. Теперь они доходили Арсену до пояса. Но дальний, у которого оставался Мирек, стоял прежним и казался ещё выше.

— Четверых вывели, — сказал Накрест из темноты. — Цена пути.

Арсен ожидал этого. Любой выход из Криволеся требовал названной платы, даже если люди попали туда по ложному договору. До сих пор дом принимал часть цены на себя: годы работы Дорнов, метки проводников, тепло у порога. Но теперь дом стоял на спорной земле, и дух хотел отдельного расчёта.

— Они сняли ложные столбы, — сказал Арсен. — Исправили действие, которым связали себя.

— Это цена долга. Не цена пути.

— Тогда возьми пройденную дорогу. Мы оставили её за собой и не просим вернуть.

Лес зашумел насмешливо.

— Дорога принадлежит идущим, пока они на ней.

— Что ты требуешь?

— Умение проводника.

Влада шагнула к Арсену, но он поднял руку. Накрест не уточнил, чьё умение. Именно так начинались ловушки, из которых потом рождались будто бы добровольные долги.

— Назови действие, — потребовал Арсен.

— Найти север по мху. Узнать воду под корнем. Отличить звериную тропу от человеческой. Вернуться к оставленной двери.

Это было не всё ремесло проводника, но его сердцевина. Без этих навыков Арсен мог собирать записи и спорить с духом, однако в лесу стал бы зависеть от чужой руки. Накрест просил цену, которая сделает следующий выход труднее.

— Возьми на один проход, — сказал Арсен.

— Нет. Путь держит четверых.

— Тогда четыре отдельных действия, до возвращения каждого к порогу.

— Нет. Одно освоенное умение.

Пахом встал рядом с ним.

— Возьми моё умение выбирать дерево, — сказал он. — Всё равно ты уже его взял.

— Нет, — резко ответил Арсен.

— Почему? Если руки что-то помнят, лес не получил всё. Пусть доберёт остаток и выпустит людей.

— Остаток принадлежит тебе.

— А люди там из-за нашего заказа.

— Из-за дописки Острома.

— Но столбы ставили для дороги, которую не приняли у нас.

Арсен видел, как легко вина ищет знакомое место. Пахом не мог вынести пустоты в собственной голове и хотел превратить её в законченную жертву. Если отдать последнее, утрата получила бы смысл. Только смысл этот придумал бы Накрест.

— Твоё тело не сдача к долгу, — сказал Арсен. — Ты уже заплатил больше, чем должен.

Он повернулся к столбам.

— Я отдаю умение читать мох до тех пор, пока четверо работников не переступят порог дома.

— Умение нельзя дать на срок.

— Можно назвать работу, для которой оно отдаётся. Ты сам взыскивал только потребное для завершения.

— Дом перестанет быть выходом на рассвете.

— Значит, цена окончится раньше.

Столбы скрипнули. Накрест искал в словах лазейку, как Арсен искал её в договорах.

— Принято, — сказал дух наконец. — До порога последнего из четырёх.

Холод вошёл Арсену под веки. Он моргнул и посмотрел на ближайшую ель. Северная сторона ствола должна была отличаться: темнее кора, гуще мох, влажнее трещины. Он видел лишь зелёные пятна, одинаковые со всех сторон. Знание осталось в словах, но взгляд больше не складывал их в направление.

— Идём, — сказал он.

Обратная дорога сразу изменилась. Коля стояли на местах, цепь и верёвка тянулись от одного к другому, но Арсен не узнавал склонов. Дважды он сворачивал к ложным меткам. Влада молча возвращала его за локоть. На третий раз он остановился сам.

— Веди ты.

Это признание далось тяжелее цены. Сборщик мог уступить спор, отложить взыскание, просить свидетеля. Но в лесу он всегда шёл первым.

Влада взяла цепь. Твердята нёс её середину, Пахом замыкал. Освобождённые работники двигались между ними, касаясь верёвки. Арсен шёл вторым и учился не притворяться, будто знает дорогу.

У последнего поворота лес поставил перед ними три двери. Одна была дверью дома Дорнов, знакомой до каждой трещины. Вторая — новой, из светлой сосны. Третья состояла из красных столбов, сбитых поперечинами.

Арсен не мог определить, где оставленный порог. Бирка показывала вперёд сразу на все три.

— Первая наша, — сказал Братилю.

— Нет, — ответил Пахом.

Он подошёл к старой двери, коснулся нижней доски и отдернул руку.

— Её сделал не я.

— Она выглядит как наша, — сказала Влада.

— Потому что лес помнит вид. А дерево не помнит моих рук.

Пахом перешёл к светлой двери. Провёл пальцами по косяку, нашёл зарубку снизу, затем ещё одну.

— Эту ставил я. Давно. До того как умел выбирать хороший лес. Видите сучок у петли? Потом я всегда разворачивал доску другой стороной.

— Ты уверен? — спросил Арсен.

Пахом долго молчал.

— Нет. Но руке здесь стыдно. Значит, моя работа.

Твердята засмеялся первым. Смех вышел коротким и хриплым. Пахом толкнул светлую дверь.

За ней была комната. Настоящая печь гудела, на полу лежала Влада цепь, закреплённая у порога. Четверо работников вошли один за другим. Когда Шум, последний, переступил порог, холод вышел из глаз Арсена.

Он обернулся к открытому проёму и сразу увидел на коре дальней ели густую северную полосу мха. Умение вернулось так резко, что закружилась голова. Накрест исполнил условие точно.

Пахом остался снаружи.

Он держал ладонь на косяке и смотрел в лес. За его спиной красные столбы опять выросли до полного роста. У самого дальнего стоял Мирек с межевой книгой.

— Иди, — сказал Арсен плотнику.

— Я узнал дверь.

— Узнал.

— Значит, умение возвращается?

Арсен не хотел лгать.

— Вернулось одно движение. Может, несколько. Не всё.

Пахом вынул топор. Положил на порог щепку, прижал сапогом и ударил. Лезвие вошло косо, отщепило неровный край. Для ученика это был бы плохой удар. Для человека, который несколько часов назад не мог опустить топор, — первый настоящий.

Пахом поднял щепку, осмотрел и попытался повторить. Второй удар прошёл мимо волокна. Третий застрял. Он стиснул зубы, но не бросил топор.

— Тело помнит, — сказал Твердята из комнаты.

— Тело помнит ошибками, — ответил Пахом.

— Значит, научим заново.

Плотник переступил порог. Дверь захлопнулась, отрезав Мирека и дальний столб.

На долговой бирке четыре пустых места посветлели. Первое, принадлежавшее Пахому, осталось чёрным. От него протянулась новая тонкая линия — не к северным столбам и не к Остроуму, а глубже в лес. Там, за множеством одинаковых деревьев, семь раз один за другим стукнул топор.

Арсен прислушался. Удары шли с разных сторон, но промежуток между ними был один и тот же.

— Это не Пахомово умение пропало, — сказала Влада. — Его куда-то несут.

Пахом сжал топориче.

— Кто?

Бирка нагрелась в руке Арсена. На обратной стороне проступили семь расходящихся дорог, и каждая вела к одному нарисованному пню.

— Пока не знаю, — сказал он. — Но Остром был не первым, кто записал чужие руки как общие.

За окном ударил третий ночной колокол. До рассвета оставался один час. Дом ещё служил выходом, четверо работников были спасены, а Мирек оставался по ту сторону межи.

Арсен положил бирку рядом с отцовской щепкой. Семь дорог на дереве медленно сдвигались, будто искали одно место.

Теперь им предстояло выяснить, кто прошёл по каждой из них и почему все они возвращались к одному пню.

Глава 6. Семь дорог к одному пню

Семь дорог на обороте бирки двигались, пока Арсен не прижал её к столу отцовской щепкой.

Доски под ладонью ответили семью тихими ударами. Не снизу и не снаружи — внутри древесины, словно кто-то очень далеко пробовал топор и всякий раз попадал в один и тот же старый заруб. Пахом стоял у печи, держа свой топор поперёк груди. Четверо дорожников сидели прямо на полу. Никто не снимал мокрых сапог: до рассвета оставалось меньше часа, и домашний порядок уступил место лесному.

Влада поставила рядом с биркой масляную лампу.

— Дороги разные, — сказала она. — Конец один. Так не бывает при честном промере.

— При честном долге тоже, — ответил Арсен.

Он обвёл пальцем первую линию. На дереве выступил мелкий знак: раскрытая ладонь с коротким большим пальцем. Вторая дорога несла ложку. Третья — иглу. Дальше шли колесо, птичье перо, полумесяц серпа и плотницкий угольник. Угольник был перечёркнут пятью насечками артели Пахома.

Семь умений. Семь людей или семь групп людей. Все они сходились у пня, который Арсен прежде принимал за обычный знак окончания дороги. Теперь при свете лампы он заметил вокруг него тонкий обод, похожий на обрезанную печать.

— Это не конец, — сказала Влада, проследив его взгляд. — Это место переписи.

Пахом придвинулся.

— Кто переписал моё умение?

— Сначала надо узнать, как оно дошло туда.

— У нас Мирек у столба.

— Поэтому сначала узнаем дорогу, а не побежим по семи сразу.

Пахом сжал челюсти. Арсен не обиделся на его нетерпение. Пустота вместо ремесла болела у плотника каждую минуту, а за окном всё чаще трещали деревья: лес менял тропы перед переносом межи.

Влада разложила на столе то, что успела забрать из караулки: обрывки приказа, копии подряда, три межевые ведомости и книгу, в которой староста отмечал работы на северной дороге. Оригинал межевой книги оставался у Мирека. Без него можно было доказать подлог Острома, но нельзя — всю цепь.

— Кто из вас ставил дальний столб? — спросила она у дорожников.

Братило поднял руку.

— Мы с Шумом. Годин мерил, Лют тесал клинья.

— До вас там что-нибудь стояло?

— Пень. Большой, в два обхвата. Мы его корчевать не стали. Остром велел столб рядом бить.

Шум покачал головой.

— Не рядом. В середину.

— Не ври, — буркнул Братило. — Столб в земле, пень в стороне.

— Это теперь. Сначала он велел в середину. Я ещё сказал: сгниёт опора. Потом пришёл человек в сером, сунул Острому бумагу, и нас отогнали. Когда вернулись, пень будто сдвинулся.

Арсен поднял глаза.

— Что за человек?

— Лица не видел. Капюшон, перчатки. Голос молодой. Он не по грязи шёл, а по корням, словно знал каждый.

— Что было на бумаге?

— Печать. Круглая, а внутри будто дерево спилили.

Обод вокруг нарисованного пня.

Арсен положил ладонь на бирку. Семь линий разом повернулись к его запястью. Он отдернул руку прежде, чем дерево успело принять прикосновение за согласие.

— Накрест, — позвал он. — Назови держателя этих дорог.

Пламя лампы вытянулось в тонкую щепу. Из-за двери донёсся голос духа:

— Держатель назван в последней записи.

— Покажи запись.

— Она у дальнего столба.

— У Мирека?

— У свидетеля.

Влада побледнела, но спросила ровно:

— Почему он не вышел вместе с работниками?

— Его дорога не завершена.

— Он не брал подряда.

— Он взял книгу.

Арсен услышал ловушку. Для Накреста взять в руки предмет и принять обязанность нередко звучало одинаково, если кто-то заранее связал их одной строкой.

— Книга не умение и не договор, — сказал он.

— Книга хранит договоры.

— Хранит бумага. Мирек несёт её как свидетель.

— Тогда свидетель должен дочитать.

Голос исчез. Лампа снова стала обычной.

— Дочитать что? — спросил Пахом.

— Последнюю запись, — ответил Арсен. — Ту, которой семь дорог свели к одному держателю.

Влада быстро перелистывала ведомость. На полях возле старых работ стояли крошечные отметки углём. Ладонь возле починки колодца. Ложка возле поставки в княжескую кухню. Игла возле шитья дорожных пологов. Колесо у тележного подряда. Перо рядом с переписью лесных дворов. Серп у расчистки просеки. Угольник — у моста Пахома.

— Это не семь пропавших, — сказала она. — Семь подрядов.

— И сколько людей?

Она сосчитала имена под записями.

— Не меньше двадцати трёх.

Комната стала тесной. Арсен представил двадцать три человека, у которых можно забрать не только орудие или рабочий день, а саму способность делать привычное. Один перестанет чувствовать жар печи, другой — различать тугую и слабую нить, третий — удерживать колесо на мокрой колее. Долг выглядел бы небольшим в каждой отдельной бумаге. Вместе он превращался в склад человеческих рук.

— Но сейчас пропали семеро, — сказал Годин. — Так ведь на бирке?

Арсен посмотрел внимательнее. Знаки на дорогах были не одинаково тёмными. Угольник налился чёрным — Пахомово умение уже взято. Ладонь, ложка, игла, колесо, перо и серп оставались серыми, как древесная зола.

— Семеро держат цепь, — сказал он. — Один уже заплатил. Шестерых готовят к плате.

— Кто они?

Влада провела ногтем по ведомости.

— Последние подписавшие каждый подряд. Каменщик Ратша, поварка Звения, швея Млада, колёсник Одинец, писец Левша, косарь Ефрем. И Пахом.

Лют выругался.

— Ратша три дня как не пришёл к брату.

— Звеня не открыла кухню вчера утром, — вспомнил Шум. — В посаде решили, ушла за больной матерью.

— Значит, их искали не там, — сказал Арсен. — Потому что каждый исчез со своей дороги.

Пахом ткнул пальцем в угольник.

— А свели к этому пню. Зачем?

Ответ мог дать только тот, кто видел передачу. Арсен собрал бумаги в кожаную суму. Влада уже закрепляла цепь на поясе.

— К дальнему столбу пойдём вдвоём, — сказал он.

— Втроём, — возразил Пахом.

— Ты останешься у двери.

— Моё умение там.

— Поэтому лес поведёт тебя не к Миреку, а за ним. Нам нужен человек, который удержит настоящий выход.

— Удерживать дверь может Твердыта.

Ученик вскинул голову, но промолчал. Пахом посмотрел на него и сам услышал жестокость предложения. Твердыта умел многое, но ещё никогда не отвечал за выход семерых из меняющегося леса.

— Останусь, — сказал Пахом. — Но если дверь начнёт уходить, я пойду следом.

— Если дверь начнёт уходить, бей в косяк тем же ритмом, что стучит умение. Семь раз с равным промежутком. Не ищи правильный удар. Просто не сбей счёт.

Пахом кивнул.

Влада закрепила первый конец цепи у печного кольца, второй передала Арсену. Они открыли северную дверь. За порогом уже не было тропы, проложенной час назад. Семь узких просек расходились веером, и на каждой стоял одинаковый красный столб. За любым виднелась фигура Мирека с книгой в руках.

— Лес услышал нас, — сказала Влада.

— Лес всегда слушает то, что собирается продать.

Арсен положил бирку на порог, не вынося её наружу. Дороги на обороте совпали с просеками. Пень оставался нарисованным у дальнего края, а значит, искать одну верную дорогу было бесполезно: все семь являлись частями одного условия.

Он попросил дорожников встать у каждой линии. Люди по очереди касались знаков. Под пальцем Братилы дрогнуло колесо, у Люта — ладонь, у Година — перо, у Шума — серп. Остальные две дороги никого не признали.

— Вы работали на тех подрядах, — сказала Влада.

— Возили камень, — вспомнил Братилю. — Одинец чинил нам ось.

— Ратша правил фундамент караулки, — сказал Лют. — Я держал ворот.

Годин нахмурился.

— Писец Левша переписывал оплату за мост. Он тогда ругался: в старой книге места не хватало.

— А Ефрем косил здесь просеку, — добавил Шум. — Только не эту. Старую.

Арсен понял, что дороги требовали не владельцев умения, а свидетелей работы. Накрест мог принять умение лишь как освоенное и реально существующее. Чтобы передать его дальше, договору снова нужны были люди, видевшие навык в деле. Кто-то годами собирал не только подписи, но и свидетелей.

— Каждый пойдёт по дороге, которую узнал, — решил Арсен. — Не сходить с цепи. Увидите человека — не обещайте вывести. Сначала спросите, что он делал и кто видел его работу.

— Ты только что велел им снова войти? — Влада говорила тихо, но в её голосе звенел металл.

— До первого столба. Цепь останется в доме.

— Дом через час перестанет быть выходом.

— Через час цепь станет просто цепью. До того она — свидетель общей дороги.

Влада посмотрела на четверых измученных людей. Каждый только что выбрался из леса. Послать их обратно казалось несправедливым. Но без их памяти шестерых пропавших можно было искать до следующей зимы.

— Вы решаете сами, — сказала она им. — Отказ не станет долгом.

Братилю первым взялся за цепь.

— Одинец мне ось без платы правил, когда ребёнка к лекарю вёз. До столба схожу.

Остальные согласились по своим причинам. Арсен не стал благодарить. Благодарность в Криволестье слишком легко превращалась в признание услуги, а услуга — в обязанность.

Они шагнули за порог. Пахом и Твердята держали цепь внутри. Арсен шёл по средней просеке вместе с Владой, а дорожки растянулись по боковым, не выпуская звеньев. Семь дорог расходились, но цепь заставляла их оставаться одним рядом. Лес не мог решить, какую картину показать, и деревья дрожали между семью положениями.

У первого столба Арсен увидел всех шестерых.

Они стояли каждый на своей просеке, хотя расстояние между ними было меньше длины вытянутой руки. Ратша ладонью разглаживал воздух, Звения помешивала пустой горшок, Млада тянула невидимую нить, Одинец вращал колесо, Левша писал пальцем по коре, Ефрем делал короткие взмахи несуществующей косой. Между ними оставалось седьмое место — Пахомово. Там топор сам поднимался и падал по старому пню.

Мирек находился дальше, у высокого столба. Теперь Арсен видел сына настоящего: на левой щеке темнела свежая царапина, книга лежала на раскрытых ладонях, а между страницами светила щепка.

— Не подходите! — крикнул Мирек. — Последняя строка ещё без имени!

Семь фигур Мирека на ложных дорогах повторили крик, но только настоящий добавил:

— И не называй меня сыном!

Арсен остановился. Вот вопрос, который Мирек выбрал сам. Лес мог повторить голос, но не понимал причины.

— Свидетель Мирек Дорн, — громко сказал Арсен. — Читай запись, не принимая её.

Мирек наклонился над книгой.

— «Умения, данные вместо денежной недоимки по семи работам, передаются держателю северного пня для исполнения общего дорожного дела».

— Имя держателя?

— Соскоблено. Оставлено место для того, кто завершит чтение перед Накрестом.

Влада резко втянула воздух.

— Значит, имя должен произнести свидетель.

— Или тот, кто спросит, — сказал Арсен.

Он едва не сделал это сам. Обычный сборщик потребовал бы назвать получателя долга. Тогда пустая строка могла принять его имя: Арсен Дорн, потребовавший умения и завершивший запись. Вот почему Накрест охотно велел показать последнюю запись.

— Кто составил её? — спросил Арсен, выбирая слова.

— Семь разных рук, — ответил Мирек. — Каждая переписывала предыдущую обязанность. Первая запись про колодец: каменщик обещал исправить кладку. Потом обязанность

переписали на кухню — будто вода нужна для общего стола. Из кухни на швейный подряд — пологи должны были защищать работников. Потом на телеги, перепись дворов, расчистку просеки и мост. Каждый раз долг называли общим делом и добавляли новое умение.

— Чьи подписи?

— Подрядчики разные. Свидетель один.

— Кто?

— Старый межевик Яромол Реч.

Влада качнулась, и цепь звякнула.

Арсен знал это имя. Отец Влады умер двенадцать лет назад. Он учил дочь промеру, первым признал дом Дорнов безопасным выходом и терпеть не мог устных сделок. Если его подпись стояла на семи передачах, она была либо поддельной, либо вырванной из другого условия.

— Покажи подпись издаleка, — сказала Влада.

Мирек поднял книгу. На нижнем краю страницы тянулся знакомый росчерк: три зубца и длинная черта. Влада прищурилась.

— Это не подпись. Это знак продолжения промера. Отец ставил его, когда следующая точка лежала за краем листа.

— Здесь он повторён семь раз, — сказал Мирек.

— Потому что страницы вынули из семи книг. Знак означал: ищи продолжение в другом месте. Кто-то объявил его свидетельством передачи.

Накрест заговорил из пня:

— Знак принят теми, кто писал.

— Писавшими, но не Яромолом, — сказала Влада. — Он не видел этих строк вместе.

— Договор переписан.

— Кем?

— Тем, кому принадлежала запись.

— Умение принадлежало людям, — ответил Арсен. — Запись принадлежала книгам. Ни книга, ни подрядчик не владели руками Ратши, Звени, Млады, Оди́нца, Левши, Ефрема и Пахома.

— Они приняли работу.

— Работу, а не передачу себя.

Пень ударил топором. Все семеро удерживаемых повторили движения сильнее. Ратша содрал ладонь о невидимый камень. Игла Млады проколола ей палец, хотя иглы не было. Оди́нец пошатнулся от вращения.

— До рассвета запись требует держателя, — сказал Накрест. — Иначе умения останутся лесу как бесхозные.

— Умение не бывает бесхозным, пока жив владелец.

— Плотник жив. Умение отделено.

Арсен посмотрел на пустое место у пня. Топор продолжал рубить без Пахома, и с каждым ударом лезвие становилось увереннее. Лес не просто хранил навык. Он учился пользоваться им отдельно от человека.

Из дома донеслись семь ответных ударов. Пахом не сбился. Пень дрогнул, а самостоятельный топор на миг промахнулся.

— Он свидетель своего умения, — сказал Арсен. — И не отказывается от него.

Влада поняла первой. Она повернулась к Ратше:

— Кто видел, как ты клал камень до этого подряда?

— Лют. На караулке.

Лют поднял свободную руку.

— Видел. Он выводил угол, когда бумаги про колодец ещё не было.

— Значит, запись не создала умение и не может объявить его бесхозным.

Звения назвала Шумиху, мать Шума, для которой готовила свадебный стол. Млада — Братилову жену, носившую сшитый ею зимний полог. Одинец указал на Братило и его починенную ось. Левша назвал Година: тот видел, как писец составлял жалобу ещё до дорожной переписи. Ефрем сослался на Шума, косившего с ним старую просеку.

Каждое свидетельство гасило серый знак на бирке. Не освобождало людей — только возвращало умению владельца. Лес больше не мог назвать его ничейным.

Накрест заскрипел всеми деревьями сразу.

— Держатель всё равно должен быть назван.

— Назван, — сказал Арсен. — Каждый держит своё.

— В строке одно место.

— Потому что строку составили для кражи.

— Я соблюдаю строку.

— Тогда соблюдай всю. «Передаются держателю северного пня для исполнения общего дорожного дела». Покажи общее дело.

Лес затих.

Арсен ждал. Именно молчание оказалось ответом. Колодец давно работал, кухня кормила другой двор, дорожные пологи истлели, телеги разошлись по хозяевам, перепись была завершена, старая просека заросла, мост Пахома не приняли. Единого дела никогда не существовало.

— Покажи место, где соединены эти работы, — повторил он. — Не записи. Не дороги. Саму работу.

Пень треснул сверху до корней.

Под корой не оказалось древесины. Внутри лежала туго свёрнутая полоса из семи сшитых договоров. Края страниц были обрезаны так, чтобы знаки Яромола выглядели подписями. На последнем листе чернело пустое место держателя.

— Работа не названа, — произнёс Накрест глуше. — Передача не завершена.

— Значит, до завершения умения остаются у владельцев.

— Плотницкое уже принято как плата за выход.

— Его спор разберём отдельно. Остальных отпусти.

— Их дороги ведут к пню.

— Пусть ведут. Человек может дойти до места и уйти, если не должен ему.

Ратша первым перестал разглаживать воздух. Он посмотрел на окровавленную ладонь, затем сделал шаг назад. Дорога под ним пыталась вытолкнуть его к пню, но Лют натянул цепь. Каменщик ухватился за звенья. За ним освободилась Звения, потом Млада. Одинец ещё несколько мгновений вращал пустоту, пока Братило не крикнул ему про детскую поездку к лекарю. Колёсник вспомнил настоящую ось и отпустил ложное колесо. Левша и Ефрем сошли последними.

Семь просек начали складываться в одну.

— Мирек, к нам! — крикнула Влада.

Сын закрыл книгу, но высокий столб перед ним не исчез.

— Не могу. Я дочитал не всё.

— Последняя строка пустая.

— Под ней есть приписка. Её закрыло корнем.

Корень обвил книгу и прижал её к ладоням. Арсен шагнул вперёд. Цепь натянулась, остановив его.

За спиной ударил четвёртый ночной колокол. Небо над просеками посерело. До рассвета оставалось так мало, что лес уже примерял новую границу: дом за дверью то появлялся, то уступал место чёрным елям.

— Не рви книгу, — сказал Арсен. — И не соглашайся дочитывать вслух.

— Там про дом, — ответил Мирек. — Я видел два слова: «служба» и «наследник».

Столб поднялся ещё выше. Арсен понял, зачем цепь умения провели именно через северную межу. Семь подрядов были не только кражей ремесла. Они создавали общее дорожное дело, которого прежде не существовало, чтобы затем объявить дом Дорнов его частью. Если держателем станет наследник, служба перейдёт к Миреку вместе с выходом.

— Оставь страницу закрытой, — велел он.

— Тогда я останусь здесь.

— До следующего входа.

— Дом перестанет быть выходом.

— Дом — не единственная дверь.

Арсен произнёс это прежде, чем успел испугаться. Всю жизнь он верил обратному: их порог был последним надёжным местом, к которому можно привести заблудившегося. Но сейчас цепь соединяла девятерых людей, и каждый помнил дорогу собственным телом. Выход держал не дом. Его держали свидетели, колья, верёвка, ошибки Пахома, Владаина мера и люди, согласившиеся вернуться до первого столба.

Мирек понял. Он прижал книгу к груди вместе с корнем.

— Тогда ищи меня не у двери, — крикнул он.

— А где?

— У того, кто назовёт цену проводника.

Столб закрыл его. Семь ложных Мирекон рассыпались щепой.

Арсен хотел рвануть цепь и бежать, но Влада встала перед ним.

— Сейчас ты выведешь живых.

— Он тоже живой.

— Поэтому мы вернёмся подготовленными, а не оставим лесу ещё десятерых.

Она была права, и от этого хотелось спорить сильнее. Арсен развернулся. Они повели освобождённых к дому. Просеки путались, однако теперь на каждой шёл человек, знавший хотя бы один её отрезок. Ефрем различал скошенную когда-то траву под снегом хвои. Одинок слышал старые колеи по отдаче шага. Млада находила на кустах нитки с дорожных пологон. Левша помнил зарубки, которые сам заносил в перепись. Звенья узнавала места, где работники разводили огонь. Ратша видел камни, уложенные человеческой рукой.

Ни один не знал всей дороги. Вместе они не потеряли её.

У порога Пахом продолжал отбивать семь ударов. Косяк дрожал, дверь стала узкой, как крышка сундука. Люди проходили боком. Арсен пропустил всех, затем Владу. Сам вошёл последним, когда край рассвета показался между елями.

Дверь захлопнулась. В то же мгновение дом вздрогнул. Печное кольцо вырвало из кладки, цепь упала на пол. За окнами исчезла опушка; вплотную к стёклам встали деревья.

Дом ещё существовал, но безопасным выходом больше не был.

На обороте бирки шесть дорог посветлели. Угольник оставался чёрным. Пень раскололся, и из трещины выросла новая линия — к высокому столбу, удерживавшему Мирека.

Влада раскрыла принесённую копию ведомости и на чистом поле написала имена шестерых освобождённых, а рядом — имена свидетелей их прежней работы. Потом добавила Пахома и оставила место напротив него пустым.

— Его видели сотни, — сказал Твердыта.

— Свидетелей хватит, — ответила она. — Не хватает договора, по которому навик приняли окончательно.

Пахом перестал стучать. Семь ударов ещё некоторое время жили в стенах сами по себе.

— А Мирек? — спросил он.

Арсен снял бирку со стола. Теперь дерево показывало не семь дорог, а одну цену, спрятанную под всеми остальными: службу проводника и наследника у северной межи.

— Мирек нашёл свидетеля незаконной границы, — сказал Арсен. — И вместе с ним нашёл договор, которым хотят сделать его моей заменой.

В комнате никто не ответил. За окном рассвет осветил красную линию новой межи. Она прошла перед самым порогом, отрезая дом от человеческой дороги.

Арсен повесил бирку на пояс.

Шестерых они вернули. Цепь переписанных договоров раскрыли. Но сын остался у дальнего столба с последней строкой, которую лес очень хотел заставить его прочесть.

Глава 7. Сын, который не вернулся

Когда дом перестал быть выходом, в нём впервые стало слышно лес со всех сторон.

Раньше деревья шумели за северной стеной, иногда за западным окном, если тропы особенно путались. Теперь ветви скребли крышу, корни толкались под половицами, а за каждым стеклом стояли одинаковые ели. Красная линия новой межи прошла в двух шагах от порога. По одну сторону лежала дорога к посадке, по другую — дом Дорнов. Только дороги больше не было видно.

Арсен открыл входную дверь. Перед ним висела плотная серая мгла.

Он бросил на землю медный грош. Монета упала без звука и исчезла, не долетев до травы.

— Закрой, — сказала Влада.

— Мирек там.

— Там сейчас нет пути к Миреку.

— Путь есть всегда.

— Тогда назови его.

Арсен захлопнул дверь. Он мог перечислить признаки тропы, найти север по мху, услышать воду и отличить звериный след от человеческого. Ни одно умение не позволяло шагнуть в место, где земля ещё не решила, с какой стороны дома находиться.

Освобождённые люди ждали у печи. Им тоже некуда было идти. Ратша перевязал ладонь полосой от собственной рубахи. Млада помогала Звене разминать онемевшие пальцы. Одинец всё ещё иногда вращал кистью, будто проверял невидимую ступицу. Левша попросил бумагу и записывал по памяти строки из северной книги. Ефрем сидел возле стены и прислушивался к корням.

— Он искал меня, — сказал Левша.

Арсен повернулся.

— Кто?

— Мирек. Три дня назад пришёл в писцовую избу. Спрашивал старые книги Яромола Реча.

— Почему ты молчал у пня?

— Там я помнил только работу, которую у меня отнимали. Остальное вернулось, когда отошёл от столба.

Влада придвинула скамью.

— Что именно спрашивал?

— Где хранятся листы по первой северной меже. Я сказал: княжеский приказ велел передать их в дорожную управу. Но передали не все. В одной книге листы были вырезаны у корешка.

— Семь листов, — сказала Влада.

— Семь. Мирек уже знал. Он искал человека, который видел книгу до порчи.

Арсен сел напротив писца. Гнев поднимался медленно, как вода подо льдом. Пять дней назад сын ушёл не безрассудно и не из желания доказать отцу свою взрослость. Он собирал свидетельства. Влада знала часть, но не всё. Сам Арсен знал меньше всех, хотя дом, межа и служба касались его прежде других.

— Имя, — сказал он.

— Свирд Болотный. Цепник Яромола.

Цепниками называли помощников межевика: они таскали тяжёлую мерную цепь, ставили колья, считали звенья и видели каждую точку промера. Хороший цепник помнил землю ногами. Плохой мог сдвинуть границу на целый двор, всего лишь пропустив одно звено.

— Свирд умер, — сказала Влада. — Пять лет назад, в весеннюю воду.

— Так записано, — ответил Левша. — Тела не нашли.

Ефрем поднял голову от стены.

— Не утонул он.

Все посмотрели на косаря.

— Откуда знаешь?

— Видел прошлым летом у Долгой просеки. Борода седая, спина кривая, на руке два пальца не гнутся. Он велел не называть его по имени. Сказал, мёртвому легче не платить старые долги.

— Какие долги?

— Не спросил. Человек заплатил за покос и ушёл.

Арсен достал бирку. Новая линия к высокому столбу дрогнула, когда Ефрем произнёс имя Свирда. Значит, Мирек действительно нашёл свидетеля или его след. Но у столба сын был один.

— Куда ушёл Свирд?

— По просеке до раздвоенной сосны. Дальше тропа ведёт к старой углежогной яме.

— Тропа существовала прошлым летом, — сказала Влада. — После переноса межи её могло не стать.

— Земля остаётся, даже когда перестаёт быть дорогой, — ответил Ефрем.

Арсен вспомнил слова Мирека: ищи меня не у двери. У того, кто назовёт цену проводника.

Свирд был цепником, не проводником. Но он работал рядом с Яромолом и знал цену каждой проведённой линии. Возможно, именно он видел приписку о службе и наследнике до того, как её закрыл корень.

— Выведем людей через Долгую просеку, — решил Арсен. — Заодно найдём яму.

Влада покачала головой.

— Из дома нет выхода.

— Из дома — нет. Из погреба есть старый водоотвод.

— Он обвалился ещё при твоём отце.

— Отец так говорил, чтобы мы детьми не лазили.

— Мы лазили. Он действительно обвалился.

— До решётки. Дальше ход цел.

Влада посмотрела на него так, как смотрела в годы их брака, когда обнаруживала очередное знание, которое Арсен считал слишком малым для разговора. Сейчас упрёк был заслуженным.

— Ты знал о ходе и не нанёс его на план дома?

— Отец запретил.

— Тебе сорок один год, Арсен.

— Запрет пережил причину.

— Вот поэтому старые долги и едят нас живьём.

Он не стал спорить. Они спустились в погреб.

За бочками с солёными грибами нашлась низкая дверь без ручки. Арсен поддел её ножом. Из щели пахло сырой глиной. Пахом принёс лампу, Твердыта — короткую лопату. Вместе они разобрали кладку, которой отец Арсена закрыл проход. За ней тянулась узкая каменная труба. По дну текла вода.

— Здесь взрослый не пройдёт, — сказал Пахом.

— Пройдёт ползком.

— А Ратша с плечами как дверной косяк?

Каменщик оглядел отверстие.

— Косяки умеют вынимать.

Он первым взял лопату и расширил край. Пахом стоял рядом, подсказывая, какой камень не трогать. Несколько раз он начинал привычную фразу и осекался, не умея объяснить расчёт. Тогда прикладывал ладонь к своду и говорил проще: этот держит, этот уже свободен, под этот нужен клин. Ратша принимал его телесную память без насмешки.

Через четверть часа отверстие стало достаточно широким. Из трубы потянуло ветром.

— Выход есть, — сказал Твердята.

— Пока только сквозняк, — поправил Пахом. — Выход будет, когда кто-то выйдет.

Арсен пополз первым. Вода промочила рукава, камень царапал плечи. Через десять саженей труба упёрлась в железную решётку. Отец говорил правду наполовину: два прута были согнуты внутрь, за ними лежала осыпавшаяся земля. Но сквозь комья пробивались тонкие корни, и между ними чувствовался холод.

Арсен поскрёб глину ножом. Сверху отозвался удар.

Семь раз.

Равные промежутки, тот же ритм, которым Пахом удерживал дверь.

Арсен замер. Плотник находился позади, в погребке. Значит, стучал кто-то снаружи.

Он ответил рукоятью ножа: два коротких, один длинный — старый знак проводников, означавший живого под завалом.

Снаружи помолчали и повторили правильно.

Арсен копал руками. Глина набивалась под ногти. Ратша, протиснувшийся следом, принял комья и передавал назад. Когда открылось отверстие величиной с кулак, в него заглянул мутный глаз.

— Дорн? — спросил незнакомый старческий голос.

— Кто спрашивает?

— Тот, кого твой сын искал слишком громко.

— Свирд?

Глаз исчез.

— Имя мёртвого не кричат в землю. Раскапывай.

Они вынули ещё несколько камней и выбрались в глубокую канаву, заросшую орешником. Дом отсюда не был виден. Над головой светлело утро, а красные межевые столбы стояли на противоположном склоне. Водоотвод вывел их за линию, на человеческую сторону.

Старик ждал под раздвоенной сосной. Левая кисть у него была стянута кожаной полосой; безымянный палец и мизинец не сгибались. За плечами висела мерная цепь старого образца, тяжёлая и чёрная от масла.

— Мирек у тебя? — спросил Арсен.

— Был.

— Где он?

— Там, куда я отказался идти.

Арсен схватил старика за ворот. Цепь у того на плече звякнула, и красные столбы разом повернулись к ним зарубками.

— Отпусти, — сказала Влада, выбираясь из трубы.

— Он бросил Мирека.

— Сначала услышь где.

Свирд не сопротивлялся. Только смотрел на Арсена мутным и ясным глазом по очереди.

— Сын у тебя похож на мать, — сказал он. — Она тоже сперва мерит, потом лезет. Ты сперва лезешь, потом ищешь, чем измерить.

Арсен отпустил ворот.

— Говори.

Остальные выбирались из водоотвода один за другим. Пахом и Твердята остались последними, помогая протиснуться Младе и Звене. Вскоре в канаве собралось четырнадцать человек. Свирд увидел освобождённых работников и присвистнул.

— Значит, пень раскололи.

— Не до конца.

— До конца его нельзя. Он не дерево.

— Мы видели договоры внутри.

— Бумаги — кора. Корень глубже.

Влада подошла к старику.

— Ты работал с моим отцом.

— Работал.

— Его знаки выдали за согласие на передачу умений.

— Знаю.

— И пять лет молчал.

— Двенадцать.

Она ударила его. Не сильно, открытой ладонью, но старик пошатнулся.

— Двенадцать лет моего отца называли свидетелем кражи.

— Потому я и умер.

— Нет. Потому ты спрятался.

Свирд потёр щёку.

— Справедливо.

Он снял с плеча цепь и разложил на земле. Среди обычных овальных звеньев попадались семь плоских. На каждом был выбит знак одного из подрядов: ладонь, ложка, игла, колесо, перо, серп, угольник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.